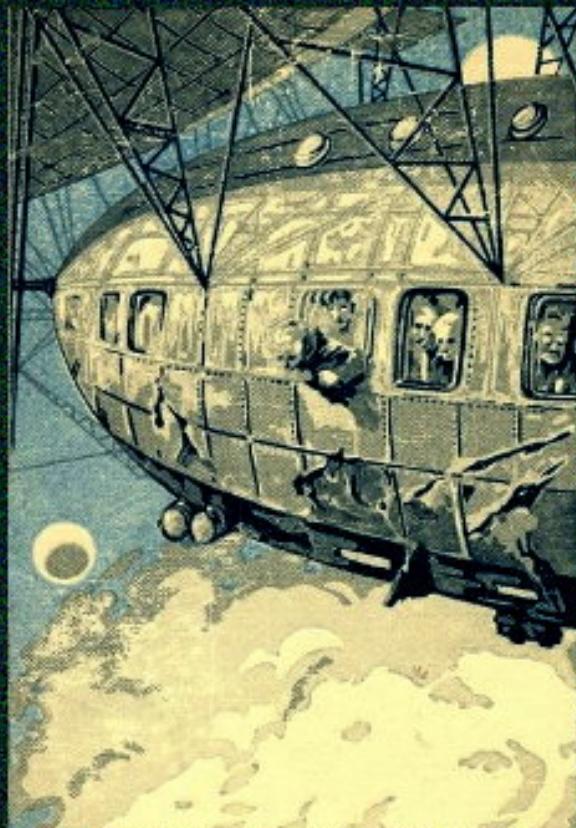

[Polaris]

Альберт
ДЕЙБЕР

ТРИ ГОДА
НА ПЛАНЕТЕ МАРС

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

CDVII

Salamandra P.V.V.

Альберт
ДЕЙБЕР

ТРИ ГОДА
НА ПЛАНЕТЕ
МАРС

Salamandra P.V.V.

Дейбер А.

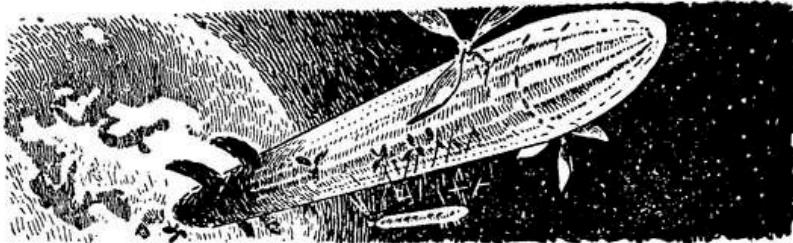
Три года на планете Марс. Пер. Б. Пегелау. Илл. Ф. Бергена.
— Б. м.: Salamandra P.V.V., 2022. — 76 с., илл. — (Polaris:
Путешествия, приключения, фантастика. Вып. CDVII).

Повесть немецкого писателя-фантаста А. Дейбера (1857-1928) рассказывает о приключениях профессора Штиллера и его товарищей, которые отправляются на Марс на воздушном корабле и знакомятся с марсианским утопическим обществом.

ALBERT DAIBER
WELTENSEGLER

**ТРИ ГОДА
НА ПЛАНЕТЕ МАРС**

Глава I

ПРИГОТОВЛЕНИЯ

Сверкающая вечерняя звезда, Венера, закатилась на западе и прозрачно-ясная, хотя и немного холодная, зимняя ночь постепенно окутала Штутгарт и всю долину Неккара. Тысячи звезд загорались одна за другую на темном своде неба.

В это время знаменитый астроном, профессор Штиллер, сидел в раздумье в кресле, нетерпеливо барабаня концами пальцев по ручке. Он сидел в большом, покрытом стеклянным куполом помещении, в котором с первого же взгляда можно было узнать обсерваторию астронома. Огромный телескоп, укрепленный на массивной подставке, смотрел из отверстия вращающегося купола в ясную зимнюю ночь.

Много лет уж прошло с тех пор, как профессор Штиллер выстроил себе на собственные средства близ Штутгарта частную обсерваторию. Сильнее всех остальных светил интересовал профессора Марс, эта таинственная планета, и в душе его проснулась и постепенно разрослась такая сильная любовь к этой отдаленной планете, что вскоре его мысли были всецело поглощены желанием вступить в прямые сношения с Марсом или, выражаясь проще, посетить его.

Теперь Марс стоял очень близко к Земле и расстояние между обеими планетами в данную минуту равнялось лишь 59 миллионам километров. В настоящее время, время великих открытий и, главным образом, усовершенствований в

достигшей такого широкого развития области воздухоплавания, мысль о посещении Марса — о путешествии на него — не имела ничего невероятного.

Профессор Штиллер взглянул на часы — 11 часов 42 минуты! Еще пятьдесят пять секунд и Марс предстал перед глазами наблюдателя в виде маленького огненного шара. Восторженным взглядом рассматривал профессор Штиллер обращенную к нему сторону планеты, на которой резко и отчетливо выделялись узкие, совершенно прямые, точно проведенные по шнурочку линии.

— Именно эти совершенно правильные линии, много-кратно перекрещивающиеся каналы, по своей правильности, доказывают яснее и точнее всего, что там, вдали, живут разумные существа, — громко произнес профессор.

Несмотря на существующую на Марсе атмосферу, он обладает сравнительно скучным запасом воды. Благодаря этому, жители Марса и принуждены восполнять этот недостаток всеми возможными искусственными мерами и утилизировать скучные водяные запасы так целесообразно, чтобы, когда одна местность достаточно орошена, драгоценная влага была бы переведена в другую. Да, на Марсе должен обитать народ высокой культуры, потому что только подобный народ способен создать такие гениальные сооружения на общую пользу. Времена года на Марсе, главным образом, зависят от таяния ледяных масс на его южном и северном полюсе. И эту-то воду, происшедшую от таяния полярных снегов, существа, живущие там, наверху, отводят в видимые даже нами каналы с целью орошения своих полей. Какая роскошная, пышная растительность должна развиваться там вдоль каналов на их берегах!

Сильно взволнованный, отошел профессор Штиллер от своего телескопа. Но живейший интерес к предмету его наблюдений быстро снова привлек ученого к его инструменту. Так проходил час за часом в астрономических наблюдениях и вычислениях. Сверкающие звезды небосклона малопомалу бледнели и зимнее утро начало медленно и лениво разгонять ночную тьму, когда профессор наконец покинул

свой пост и удалился в теплое и уютное жилище, которое стояло по соседству с обсерваторией.

Большая, свободная от зданий площадь, полупарк, полулуг, на которой издревле праздновались народные торжества, приятно прерывала море домов и резко ограничивалась с одной стороны рекою. В верхнем конце этого парка, имеющего несколько километров длины и перерезанного линиями электрических трамваев, возвышался огромный досчатый сарай.

«Воздушный корабль для путешествия на Марс» — было начертано огромными буквами на ротондоподобном сооружении. И под этим виднелось написанное более мелкими буквами: «Посторонним вход строго воспрещается!».

Изнутри здания в настоящее время не слышалось ни малейшего звука, — верный признак того, что работы или прерваны на время, или совершенно окончены.

Но в полдень, когда профессор Штиллер посетил место постройки, чтобы убедиться в окончательной и точной готовности всего, над чем столько месяцев так энергично трудились профессора-строители Блидер и Шнабель, то он, к своему справедливому негодованию, заметил, что строители корабля пренебрегли некоторыми из его самых важных указаний. Работа, которая казалась уже оконченной, должна была быть опять переделана и снова приходилось возиться около «Мирового плавца». Все это, естественно, вновь заставляло откладывать полет и при данных обстоятельствах удача предполагаемой экспедиции могла даже оказаться сомнительной. Можно было попросту сойти с ума!

Профессор Штиллер вернулся домой в страшной ярости. Ему понадобилось несколько часов, чтобы овладеть своим гневом и восстановить душевное спокойствие.

Укутавшись в теплый, мягкий халат, он сидел в своем залитом солнцем обширном кабинете, разрабатываяочные наблюдения. Результат оказался благоприятным. Именно теперь было вполне возможно достигнуть Марса с Земли. Позднее это станет невозможным на много лет. Огромная разница, находится ли звезда на расстоянии 59 или 400 миллионов километров. В настоящее время Марс достиг макси-

мума своей близости к Земле и находился как раз на расстоянии 59 миллионов километров от своей соседки. Длинные вычисления профессора выяснили все это совершенно точно. Благодаря всему этому, экспедицию нельзя было откладывать дольше; надо было избегать самым тщательным образом всякого дальнейшего замедления.

— И нужно же было, чтобы в столь благоприятный момент эти два длинноухих осла там, внизу, отчасти испортили мои расчеты! — воскликнул Штиллер.

В этот миг у дверей кабинета раздался стук. На громкое «войдите» профессора вошли Блидер и Шнабель.

— Аккуратность — высшая вежливость! — Этими словами приветствовал профессор вошедших. — Садитесь-ка, — про- должал он, — и скажите мне сейчас же, возможно ли исправить указанные мною вчера погрешности в постройке «Мирового пловца» в четырехдневный срок; на следующей неделе нам необходимо подняться, чего бы это ни стоило.

— Я положительно не знаю никакой погрешности с моей стороны, — промямлил Блидер каким-то глухим голосом.

— Что? — закричал возмущенный профессор. — Неужели я должен тебе, старому строителю, еще раз повторить, что в закрытой гондоле совершенно непригодны стеклянные окна, которые совершенно неспособны вынести страшно низкой температуры пространства между мирового эфира. Итак, вон эти стекла! Убери их и замени эластичной слюдой. Это вещество одинаково хорошо выдерживает всякую температуру, как выше, так и ниже нуля. Я тебе даю на это два дня сроку и в этот срок это изменение должно быть произведено.

А теперь я поговорю с тобой, Шнабель! Чем, по-твоему, должна жить наша экспедиция во время пути?

— Конечно же, взятыми с собою припасами, консервами и другими вкусными вещами, — ответил Шнабель.

— Но чем еще живет человек, кроме еды и питья?

— Воздухом, конечно! — ответил Шнабель, несколько раздраженный подобным вопросом.

— Конечно! А теперь скажи мне, пожалуйста, откуда мы должны добывать воздух во время нашего путешествия? В межпланетном пространстве, как известно, такового не имеется.

— Ах, черт! Ведь я забыл приделать хранилище для твердого воздуха.

— Вот именно! Исправь свои ошибки как можно скорее.

— А сколько времени продолжится ваше путешествие?

— спросил Шнабель с любопытством.

— Это зависит от каждого дня и даже от каждого часа, который протечет до нашего отправления, — ответил Штилер. — Марс в настоящую минуту достиг максимума своего приближения к Земле, а затем будет снова отдалаться от нее с каждой минутой. Как долго протянемся при подобных обстоятельствах путешествие в межпланетном пространстве, можно только предположить, а не вычислить в точности. Как только мы выберемся благополучно из области притяжения Земли и Луны и попадем в сферу притяжения Марса, путешествие наше пойдет необычайно быстро, несмотря на огромное пространство, которое мы должны пролететь. Благодаря сильному притяжению, исходящему из Марса, мы полетим к этой планете с положительно сказочной быстротой, которая составит в день по меньшей мере два миллиона километров. Но все же я рассчитываю, что путешествие наше, даже при самых благоприятных обстоятельствах, протянемся несколько недель. Но из предосторожности мы берем с собою жизненных припасов на три месяца.

Наше отсутствие, наверное, продолжится несколько лет, так как подобное необычайное путешествие требует, конечно, и необычайного времени. А теперь довольно болтать. Спешите к своей работе! На будущей неделе непременно должен состояться отлет «Мирового пловца».

Глава II

ОТЛЕТ ВОЗДУХОПЛАВАТЕЛЕЙ

Для профессора Штиллера и его сотоварищей следующие дни прошли в лихорадочной деятельности, в окончательных приготовлениях к долгому путешествию. В парке Каннштатта в мастерской, где стоял «Мировой пловец», снова царила кипучая деятельность. Воздушный корабль был вынесен из огромного сарая на обширную свободную площадь, расстилавшуюся перед ним, где и стоял, тщательно прикрепленный на якоре. Только теперь можно было вполне рассмотреть гигантские размеры шара. Он имел продолговатую, овальную форму, так же, как и прикрепленная к нему закрытая гондола.

Наконец, настало и седьмое декабря — вечно памятный день, в который, аккуратно в четыре часа пополудни, должен был состояться отлет «Мирового пловца».

Время приближалось к половине четвертого пополудни. Целое море людей волновалось в парке. Нетерпение возрастало с минуты на минуту, потому что скоро уж отважные воздухоплаватели, семь знаменитых ученых, гордость и украшение Германии и Швабии, должны были появиться в парке, чтобы отправиться в путь на воздушном корабле. Аккуратно в половине четвертого колокола на всех колокольнях Штутгарта-Великого начали звонить.

Из сотен тысяч уст раздался громкий приветственный клич, когда вдали показалась группа семи ученых, имена которых переходили из уст в уста и портреты которых раскупались тысячами.

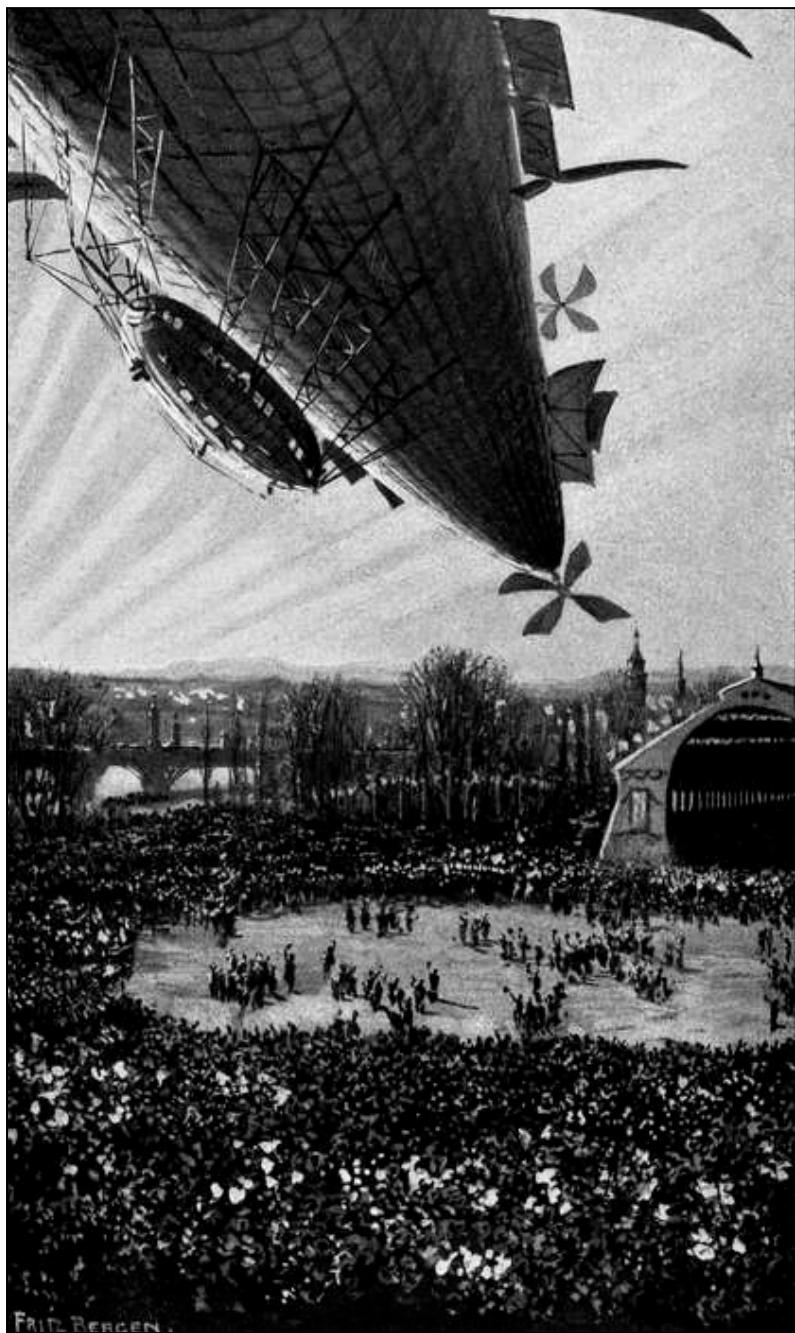
Сидя в автобусе, ученые медленно проследовали через расступающуюся перед ними человеческую стену к месту построения «Мирового пловца». С серьезным, полным достоинства видом кланялись смелые путешественники приветствующей их толпе. Подъехав к «Мировому пловцу», они вышли из экипажа, и профессор Штиллер поднялся на пост-

роенную поспешно в последние минуты ораторскую трибуну, чтобы сказать оттуда несколько слов на прощание ближе стоящим.

— Многоуважаемые дамы и господа, дорогие друзья и коллеги из близких и дальних мест этого маленького земного шара!

Когда мы снова увидимся, и увидимся ли мы вообще, никто из нас в настоящее время не может сказать. Если мы через несколько лет не возвратимся — не поминайте нас лихом! (Всеобщее волнение). Это будет значить, что мы сделались жертвами своего призыва. Но столь же возможно, что мы вам когда-нибудь расскажем о чудесах другого мира. Будьте же здоровы и примите на прощание мою искреннюю благодарность, также как и благодарность всех моих товарищей, за ваш приход сюда и за сочувствие, выраженное вами к нашему предприятию.

Когда профессор Штиллер окончил свою речь и стал мерными шагами спускаться с трибуны, снова раздалось громкое «ура». Но когда ученые один за другим начали подниматься в гондолу, опять воцарилась мертвая тишина. Профессор Штиллер последним поднялся по веревочной лестнице гондолы. Он еще раз махнул рукой в знак приветствия, затем маленькая дверь закрылась. Звон электрического колокольчика был сигналом для спуска канатов. «Мировой пловец» поднялся. Тихо и прямо поднялся он вверх во все более и более темнеющий воздух раннего зимнего вечера. Все меньше и меньше становился огромный шар, все больше и больше расстояние между ним и Землей, затем он совершенно исчез из глаз оставшихся внизу, которые, под влиянием сильного впечатления от только что виденного, молча и постепенно рассеялись в разные стороны.

FRIE BERGEN

Глава III

МЕЖДУ НЕБОМ И ЗЕМЛЕЙ

Ни одно значительное воздушное течение не нарушило почти вертикального подъема «Мирового пловца». Воздушный корабль все еще находился в области воздушной атмосферы. Конечно, достигнутая высота давала себя чувствовать и внутри гондолы благодаря уменьшению воздушного давления и понижению температуры. Профессор Штиллер, как голова и руководитель всего предприятия, предложил поэтому подкрепиться легкой закуской, вероятно, последней вблизи матушки-Земли, от которой, судя по положению барометра, экспедиция уже находилась в семи тысячах метров. Предложение его встретило единодушное одобрение. Вся компания с большим аппетитом поужинала великолепными мясными и пекарными произведениями родного Штутгарта, запивая их ароматичным красным вином, приготовленным из выращенного на солнечной стороне долины Неккара винограда.

После ужина всеобщее внимание снова сосредоточилось на инструментах. Эти последние указали, что шар достиг границы земной атмосферы или, другими словами, что предстоит войти в неизмеримое пространство межпланетного эфира.

Тихо и спокойно прошла первая ночь в гондоле, высоко в пространстве мирового эфира. В течение этой ночи шар быстро поднимался. В семь часов утра 8-го декабря он достиг 90723 метров высоты. Термометр, висевший у слюдяного окна гондолы, показывал ужасный холод в 120° ниже нуля. Глубокий мрак окружал «Мирового пловца». Ни один солнечный луч не прорезывал черного, как смоль, мрака этого дня. Все быстрей и быстрей поднимался воздушный корабль, держа курс, согласно с управлением рулевого, прямо на восток. Около полудня меритель быстроты указал на огромное расстояние шара от Земли, расстояние, доходя-

щее до 220000 метров. Если подъем будет продолжаться в этом быстром, прогрессивно возрастающем темпе, то «Мировой пловец» должен был через несколько дней очутиться вблизи луны.

С приближением к Луне, «Мировой пловец» снова попал на солнечный свет, и жители гондолы опять могли наслаждаться яркими лучами первоисточника всякой силы. Хотя ученые не находились еще в пути и двадцати четырех часов, полный мрак окружавшего их мирового пространства представлялся им слишком долгой ночью.

Так прошел второй и третий день путешествия. Воздушный корабль замедлил свой полет и наконец совершенно остановился. Ученые бросились к окнам гондолы, чтобы исследовать, что причинило эту совершенно непонятную остановку. Удивление и восторг перед тем, что предстало перед их глазами, в первую минуту так поразило путешественников, что они с минутуостояли, точно окаменелые. Затем их восторг шумно прорвался наружу.

— Изумительно! Невероятно прекрасно! Ради одного этого стоило предпринять путешествие! Бесподобная картина! Луна! Луна! — бессвязно вырывалось из уст зрителей. Непосредственно под ними, ярко освещенные солнцем, показались огромные, часто растрескавшиеся, дико скученные, дерзко стремящиеся вверх горы, отбрасывающие тени удивительной, неизвестной ученым дотоле резкости. Между ними зияли глубокие, доходящие до нескольких тысяч метров пропасти и неисчислимое количество потухших кратеров втиснулось между пропастями и отвесными стенами скал. Довольно ровные местности опять-таки были окружены валоподобными кольцами прежних огромных вулканов. Удивительное освещение с его необычайными теневыми картинами, вообще все впечатление было так своеобразно и так радикально отличалось от всего, виденного учеными на Земле, что они совершенно не были в состоянии сравнить одно с другим.

Куда бы они ни направили свои взгляды, нигде, положительно нигде, не могли они найти ни малейших следов какой-нибудь растительности или воды. Ни озера, ни пото-

Fritz Bergen.

ка, ни волнующегося океана, ни зеленеющего дерна, куста или дерева, ничего, ровно ничего не было видно. Немая, поразительная картина смертного оцепенения, которая раскрылась здесь перед путешественниками, не преминула оказать своего действия на них. За первым мгновением шумного восхищения быстро последовало глубокое молчание и серьезность, которую пробуждает в каждом мыслящем и чувствующем человеке смерть. Лишь короткое время можно было предаваться наблюдениям за той частью Луны, которая была видна из гондолы.

Снова привели в действие электрическую силу; крылья винтов завертелись, и «Мировой пловец» стал удаляться с все возрастающей скоростью от мертвой дочери живой матери-Земли.

Уже давно гондолу окутала темная ночь, и страшный холод мирового пространства царил вокруг шара. Несмотря на герметические затворы и густые слои мехов, которыми была обита гондола, путешественники только благодаря электрическому освещению и отоплению могли защититься от холода.

Так проходил день за днем. На смену первой неделе пришла вторая, затем третья и четвертая, а полет «Мирового пловца» все еще не приходил к концу.

Однажды, — это произошло на четвертой неделе пути, — тишина, царившая внутри гондолы, начала прерываться каким-то своеобразным шумом.

— Что случилось? — спрашивали с удивлением учёные у профессора Штиллера.

— Не могу себе объяснить, — ответил тот. — Ни наши часы, ни измеритель быстроты не могут быть причиной этого странного шороха. Известно, что мировой эфир не передает звуковых волн.

В гондоле шипело и трещало, точно в часовом магазине. Казалось, будто пустили в ход сотни будильников.

— Да ведь это положительно адский шум, от которого можно потерять слух и рассудок! — в ярости заревел профессор Тудиум. Но общий оглушительный шум совершенно заглушил его голос.

В эту секунду семь пассажиров гондолы были испуганы внезапным светом, похожим на вспышку огня.

Благодаря шуму было совершенно невозможно понять друг друга. Путешественники невольно закрыли глаза от сверкающего, режущего, проникающего в окна света. Каждая попытка снова открыть их сопровождалась нестерпимой болью. В эту критическую минуту профессор Дубельмейер, к счастью, вспомнил о своих очках для путешествий по глетчерам, которые он, в качестве страстного любителя гор, постоянно носил при себе во время каникул и которые он должен был захватить с собою тщательно упакованными в футляр и засунутыми в один из его многочисленных карманов. Осторожно принял он снаружи ощупывать свой сюртук. Так и есть, в правом верхнем боковом кармане своего сюртука он нашупал какой-то продолговатый предмет. Благодарение Небу, это были его очки! Наконец-то ему удалось укрепить их у себя на носу. Защитившись темными стеклами, он наконец получил возможность открыть глаза. Прежде всего, он окинул взглядом всю внутреннюю часть гондолы. Его товарищи лежали, словно онемевшие, с закрытыми глазами. Выражение их лиц носило печать покорности непреодолимой судьбе.

С дрожащими коленями и бьющимся сердцем, профессор Дубельмейер прежде всего подполз к ближайшему слюдяному окну. Он хотел попытаться опустить приделанный к нему подвижной ставень, о котором, обезумев от необычного шума, никто и не подумал. При этом он осторожно выглянул в неизмеримое мировое пространство. Какое величественное зрелище представилось ему! От восторга и волнения он забыл про ставень. Все его мысли и чувства были всецело поглощены дивным явлением природы, развертывающимся там, за окном.

Выливаясь из миллионов световых шариков, которые, подобно Млечному Пути, образовали на темном небе широкий светящийся пояс, сверкали и сияли издали в сказочной красе разноцветные лучи. Что это могло быть? Об этом сейчас же следовало спросить коллегу Штиллера, потому что при его помощи, быть может, удастся избегнуть еще

какой-нибудь опасности, грозящей «Мировому пловцу». Профессор, прежде всего, опустил ставни на всех окнах, затем подошел к Штиллеру, надел защищающие глаза очки ему на нос и постарался вывести его из столбняка, потрясши слегка за плечи. Удивленный своей так внезапно вернувшейся способностью видеть, профессор Штиллер поднялся вместе с очками своего друга и стал следить за немыми пантомимами этого последнего. Он отодвинул ставенья одного окна и выглянул наружу. Очарованный развернувшейся перед ним картиной, он такжеостоял несколько минут у окна, погруженный в волшебное зрелище. Теперь ему стала понятна причина безумного шума и вообще все явления. «Мировой пловец» на своем пути к Марсу попал в соседство с стремящейся по мировому пространству кометой, которая как раз перерезывала их путь. При всем же большом еще расстоянии и неимоверной быстроте полета кометы, непосредственной опасности для «Мирового пловца» не представлялось по крайней мере в течение нескольких следующих часов. Успокоенный, но все еще наполовину ошеломленный единственным в своем роде явлением, Штиллер отошел от окна.

Спустя несколько часов шум пролетающей кометы начал мало-помалу затихать.

Тогда профессор Штиллер объяснил своим товарищам причину виденного ими явления и принял расточать громкие хвалы очкам Дубельмейера.

Между тем, путешествие стало всем надоедать и все заскучали, когда же узнали, что они не сделали и половины пути, многими овладело отчаяние. «Мировой пловец» двигался значительно медленнее, чем ожидали.

Профессор Штиллер рассчитывал с полной уверенностью на то, что шар, едва попав в сферу притяжения отдаленного небесного тела, полетит к этому последнему с молниеносной быстротой, теперь же он должен был сознаться самому себе, что в этом сильно ошибся. К этой крупной ошибке присоединились еще две дальнейшие: запасы твердого воздуха и электрической энергии были рассчитаны на менее продолжительное путешествие, то есть на более бы-

стрый полет, и должны были иссякнуть через несколько недель.

И запас пищевых продуктов уменьшался с поразительной быстротой. Правда, на шар был взят обильный запас еды и питья на три месяца, но профессор Штиллер не принял во внимание хороших аппетитов своих спутников.

Волей-неволей уже теперь с сегодняшнего дня должно было последовать уменьшение ежедневно выдаваемых порций, если хотели протянуть запас провизии на более долгий срок. Особенно значительно уменьшился запас напитков и в запасе любимой гёппингенской воды произошли страшные опустошения.

Педеля пришла к концу. Вместе с нею путешественники по мировому пространству вступили в новый год. Никто из них и не подумал о встрече Нового Года, что раньше исполнялось ими там, внизу, на Земле с таким весельем и радостью. Сумрачное равнодушие овладело всей компанией и отнимало у нее постепенно аппетиты.

Так прошло еще несколько дней и вот произошло новое явление.

— Что же, черт возьми, снова случилось? — спросил Пиллер, внезапно выходя из своего летаргического состояния, когда в гондоле послышались необычайные, похожие на гром раскаты.

— Это звучит точно грохот горного потока, увлекающего за собою массы обломков, — заметил Дубельмайер.

Едва успел он произнести эти слова, как какой-то тяжелый предмет ударился о гондолу. Профессор Штиллер вскочил с места в сильном волнении.

— Скорей, друзья, помогите мне защитить окна! Если я не ошибаюсь, начинается космический дождь.

Ученые бросились к четырем окнам гондолы и с быстротой молнии опустили подвижные ставни. Падающий сбоку короткий, шумный дождь проходил по «Мировому пловцу» и сильнее еще по его гондоле. Профессор Штиллер уже начал думать, что всякая опасность устранена, когда снова второй, но еще более сильный удар потряс гондолу. За ним последовал треск и громкий крик боли. Место, на котором

в гондоле находился быстромер, было задето маленьким метеоритом. Инструмент был попорчен страшным сотрясением, и его внутренняя стеклянная оправа разбилась. Один из осколков задел профессора Фроммгерца, который теперь лежал на полу гондолы, залитый кровью, и громко стонал.

Удар так сильно отбросил гондолу в сторону, что внутри ее произошел полный беспорядок. Только некоторое время спустя колебательное движение гондолы прекратилось и все снова пришло в прежнее спокойное состояние. Дальнейших ударов не последовало, и профессор Штиллер имел основание предположить, что «Мировой пловец» избавился от этой новой опасности неожиданно счастливым образом.

Хуже всего было то, что быстромер стал совершенно непригодным и пришел в полное бездействие. Об исправлении его во время пути нечего было и думать. Эта несчастная случайность совершенно запутала все расчеты Штиллера и лишила его возможности контролировать быстроту шара. Теперь все было предоставлено слепому случаю. Точные вычисления пришлось заменить простыми предположениями. Предположения же снова открывали простор печальным мыслям.

Все дальнее бежало время и все дальнее летел шар по своему пути. Жизненные припасы уже настолько истощились, что, несмотря на слабый аппетит жителей гондолы, через самый короткий срок должен был почувствоваться недостаток в самом необходимом. Запас электрической энергии также уменьшался с ужасающей быстротой.

Что принесут следующие дни? В их непроницаемой тьме скрывалась участь, — счастье или гибель всей экспедиции. Электрический свет внутри гондолы становился все слабее; сильный холод, который, несмотря на меховые одежды ученых, леденил их члены, делался все более и более ощущительным. Мрачное равнодушие овладело всеми учеными и переходило постепенно в род бессознательного состояния. Казалось, что конец страдальцев медленно приближается. Так проходили долгие томительные часы; внутри гондолы уже не раздавалось ни малейшего звука. Вдруг произошел

сильный толчок. Шар и гондола отлетели в сторону и, казалось, собирались перевернуться. Бедные путешественники в гондоле попадали друг на друга, столкнулись друг с другом и начали пробуждаться от своей похожей на смерть дремоты.

Страшно перепуганные сильным сотрясением, ученые только после долгих усилий нашли в себе силы подняться на ноги. Когда они, наконец, с трудом открыли глаза, в разбитые окна гондолы вливался яркий, веселый солнечный свет. Прошло некоторое время, прежде чем ослабевшие глаза воздухоплавателей снова привыкли к свету солнца, которого они так долго были лишены. Но тогда летаргическое состояние сразу соскочило с них.

Професор Штиллер первым поднялся на ноги. Не забоясь о возможной опасности, он отважно высунул голову из окна, чтобы исследовать причину столкновения «Мирового пловца» с другим чуждым телом, и ученому сразу стало понятно, что должно было случиться что-нибудь подобное.

— Ура! Ура! — закричал он своим товарищам, в страшном волнении отступая от окна. — Ура! мы спасены! Мы столкнулись, к счастью, очень легко, с маленькой луной Марса, Фобосом. Внешняя оболочка нашего шара, правда, изорвалась местами и, как я вижу, произошли и другие повреждения, но это теперь не имеет значения! Смотрите сюда, вниз, — там под нами, как раз под нами, лежит Марс. Спасены! Спа... — профессор Штиллер упал навзничь в глубоком обмороке.

Энергичным усилиям профессора Пиллера, наконец, удалось снова вернуть к жизни потерявшего сознание.

— Где мы? — спросил профессор Штиллер слабым, едва слышным голосом.

— Этого мы и сами хорошенко не знаем. Вероятно, все еще в воздухе, а не на твердой почве, — ответил профессор Пиллер.

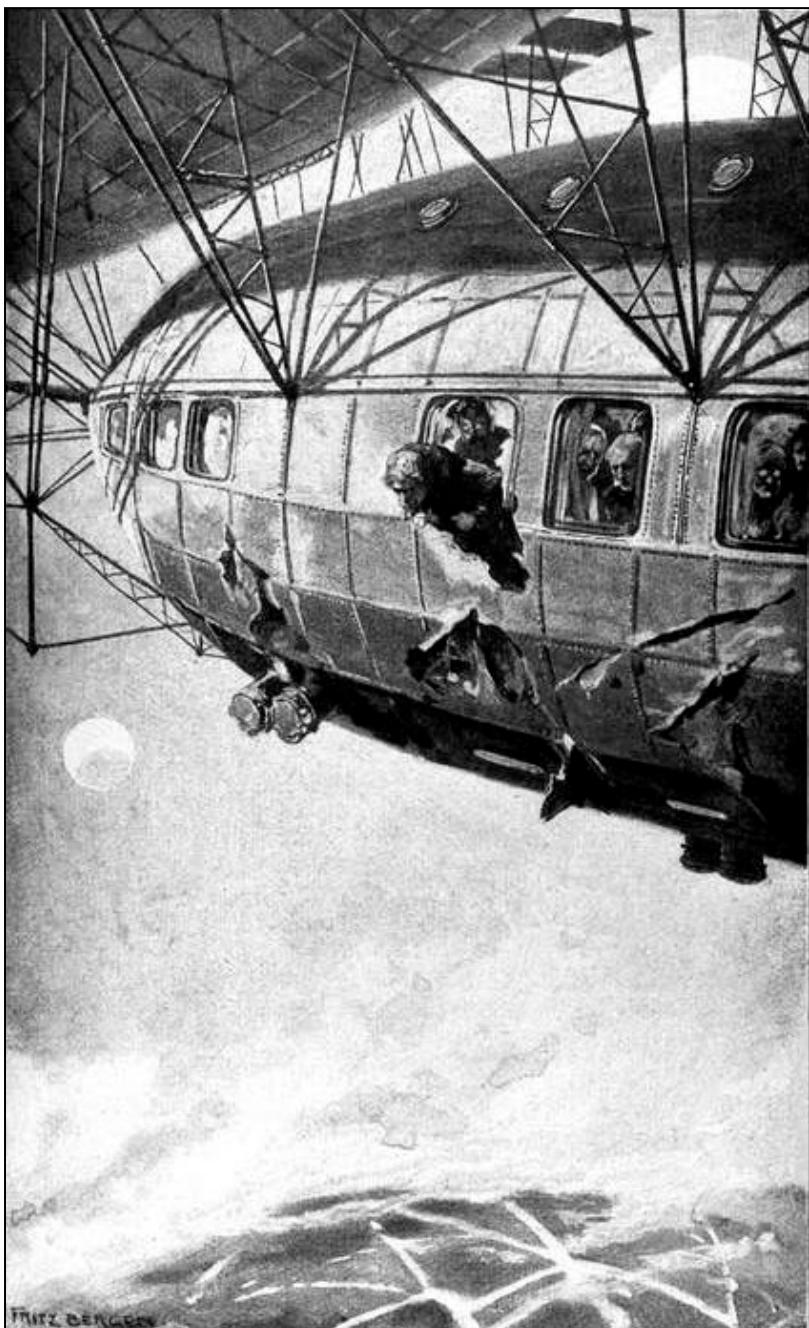
— В таком случае, мы должны открыть клапаны и заставить «Мирового пловца» медленно и осторожно спуститься, — решил профессор Штиллер.

— Но чувствуете ли вы себя достаточно сильным, чтобы снова принять на себя руководство всем этим делом?

— Это должно быть очень просто!

С этими словами профессор Штиллер поднялся на ноги и сейчас же бросил взгляд в окно, чтобы исследовать местонахождение шара.

Верно: там, внизу, на расстоянии всего нескольких километров от «Мирового пловца», ясно и резко выделялся огромный канал, берега которого окаймлялись темно-зеленой тропической растительностью; кое-где, рассеянные поблизости и залитые теплыми солнечными лучами, виднелись хорошо возделанные поля и сады. Своеобразные, издали сверкающие ослепительной белизной здания доказывали близость живых существ. Громкий восторг, который проявили воздухоплаватели однажды при проходе возле земной Луны, заменился немым удивлением, когда они теперь с сердцами, переполненными благодарностью судьбе, спасшей их в последний миг от гибели, смотрели из своей гондолы вниз на сказочно прекрасный пейзаж, к которому они теперь быстро приближались.

Глава IV

НА МАРСЕ

С Марса — так как это действительно был он — уже давно заметили шар. Когда он приблизился к поверхности планеты, множество людей, живущих поблизости, устремились к месту, куда опускался воздушный корабль. «Мировой пловец» остановился на широком зеленом лугу, на котором паслись стада рогатого скота самых благородных рас. Профессор Штиллер отбросил якорь с канатом широкой дугой от гондолы и указал знаками и мимикой стоящим внизу людям, что приблизительно они должны сделать, чтобы укрепить шар. Жители Марса сейчас же поняли, чего хотел от них незнакомец на своем немом языке. Без малейшей торопливости, но быстро и поразительно ловко, были выполнены желания профессора. Теперь шар твердо и прочно стоял на якоре.

Веревочная лестница была спущена из гондолы и прикреплена к предназначенным для этого металлическим крюкам. Семь ученых из далекой Швабии спустились по ней один за другим и вступили на Марс первыми из детей Земли. Мягкий, бальзамический, полный благоуханий воздух охватил отважных путешественников, когда они выбрались из своей гондолы. Чувство блаженства, возрождения к новой жизни, несказанного удовольствия наполнило грудь бедных, полумертвых людей, когда они после стольких недель снова в первый раз почувствовали под ногами твердую почву. Да, они чувствовали потребность сначала удостовериться лично, что у них под ногами действительно земля. Они дотронулись руками до грунта, чтобы убедиться, что он по составу подобен земле. Нет, это был не сон, а действительность, они стояли на твердой почве. Тысячу тысяч благодарений Небу, позволившему им, наконец, достигнуть цели! Слезы счастья, слезы самой чистой радости бежали

по обросшим бородами, давно уже не бритым щекам перенесших столько испытаний, ученых.

— Громы небесные! На кого только мы похожи! — воскликнул с ужасом профессор Пиллер, пристальней всмотревшись в своих товарищей при солнечном свете.

Через секунду все ученые разразились громким хохотом при виде комичной наружности всей их компании. Профессор Штиллер затем принял рассматривать окружающих его и его товарищей людей, — и, действительно, это были настоящие люди из плоти и крови, все эти существа, собравшиеся вокруг них и рассматривавшие с приветливой улыбкой сыновей Земли.

— Они положительно опрятней, больше и красивее нас. Не попали ли уж мы к олимпийским богам вместо того, чтобы прилететь на Марс? — заметил профессор Гэммерле, протерев стекла очков и надев их снова на нос.

— Почему это? — спросил профессор Дубельмайер.

— Эти существа, собравшиеся здесь, кажутся мне толпой богов. Посмотрите только на эти роскошные формы тела и слабо прикрывающие их древние одежды.

С этими словами он вытащил свой хронометр; часы показывали восьмой час.

— Теперь еще раннее утро. Посмотрим, что принесет нам необычного этот наш первый день на Марсе. Попробуемка как-нибудь завязать с нашими друзьями словесный разговор; что они наши друзья, видно из их любезного и благосклонного вида.

С этими словами профессор Штиллер подошел к тому из жителей Марса, который стоял впереди всех остальных; они позволили ему приблизиться к ним с благородным спокойствием и без малейшего признака удивления.

— Ведь мы на Марсе, неправда ли? — с этим банальным вопросом обратился он по-немецки к неведомым ему людям. Но те покачали головами и ответили ему что-то на благозвучном языке, которого Штиллер в свою очередь также не понял. В словах их, казалось, выражалось сожаление, что они не могут понять незнакомцев.

— Они, совершенно естественно, не понимают по-немецки. Ведь вы должны были ожидать этого, Штиллер! — заметил с упреком профессор Гэммерле.

— Ну, так проэкзаменуйте-ка вы их, Гэммерле. Быть может, при ваших разносторонних лингвистических познаниях вам и удастся открыть, на каком языке возможно объясняться с живущими здесь людьми.

Сильным голосом Гэммерле начал на древнерусском языке:

— Друзья, мы, прилетевшие к вам с далекой Земли, сердечно приветствуем вас.

Ответа не последовало, и только легкая улыбка заиграла на устах жителей Марса в знак их непонимания. Тогда Гэммерле продекламировал свое приветствие по-латыни. Снова то же молчание и та же улыбка вместо ответа.

— Быть может, мы скорее достигнем цели при помощи наших современных языков, так как этим существам, по-видимому, совершенно чуждо классическое образование, — проговорил Гэммерле, рассерженный безрезультатностью своих первых опытов, но и английский, французский, испанский, итальянский, русский и, наконец, даже арабский и древнееврейский не привели к желанным результатам.

— Хорошее начало! — проворчал профессор Бруммгубер.

— По всем признакам, нам придется изучить язык здешних жителей, — заметил Тудиум.

— Наверное! — подтвердил Фроммгерц.

— Но посмотрите-ка, что это за старец шествует к нам? — воскликнул Дубельмейер.

Человек преклонных лет и внушительной наружности, с белыми волосами и бородой, с обнаженной головой, прорвал ряд своих товарищей и гордо приблизился к семи швабам. Старец был одет, как и все его соплеменники. Похожая на блузу белоснежная рубашка из тончайшей шерсти с пурпурной каймою окутывала высокую, благородную фигуру. У пояса она стягивалась широким поясом пурпурного цвета. Босые ноги его были одеты в сандалии из тонкой желтой кожи. Соплеменники дали ему дорогу с большой почтительностью, и ученые из этого сразу же узнали, что в

лице старца они видят перед собою человека, занимающего высокое социальное положение в этой стране.

В знак уважения, они обнажили головы и принялись напряженно ожидать дальнейшего развития событий. Старец сначала скользнул взглядом по «Мировому пловцу», затем направил свои ясные, темно-синие глаза, в которых виднелось столько же ума, как и сердечной доброты, на чужеземцев, с которыми он заговорил на благозвучном языке, указывая при этом от времени до времени на воздушный корабль, и наконец дал им понять ласковым жестом, чтобы они следовали за ним.

Ученые двинулись вперед со старцем во главе. За ними последовали спокойной и полной достоинства походкой те из жителей Марса, которые при спуске «Мирового пловца» так охотно предложили им руку помощи. Профессорам показалось, будто вокруг них ожила одна из сказок «Тысячи и одной ночи». Они не могли насмотреться досыта на все прекрасное и своеобразное, что встречалось ими здесь на каждом шагу. Пройдя луг, они попали на тенистую тропинку, посыпанную мелким белым песком и окаймленную восхитительными, увешанными плодами деревьями. Тропинка эта вела к большой группе зданий, стоявших каждое отдельно и окруженное роскошным садом. Судя по их величественным размерам, эти здания, выделявшиеся своей яркой белизной из окружающей их зелени, были общественными учреждениями.

Везде росли высокостволльные пальмы, перемешанные с пышными светло-зелеными бананами и древовидными папоротниками, среди которых виднелись цветы такой поразительной красоты и роскошного развития, каких тюбингенские профессора не могли себе и представить. Розы, лилии, мирты и разные растения из породы лавров, орхидеи и великое множество других цветов соперничали друг с другом блеском и красотою красок и силою благоухания. Бабочки всевозможных размеров и оттенков качались в теплом, упоительном воздухе, и яркоперые птицы посыпали путникам свой громкий, гармоничный утренний привет.

— Мы попали в настоящий рай, — тихо заметил про-

фессор Штиллер идущему рядом с ним профессору Пиллеру. — Я должен выразить свои чувства, излить в словах свой восторг. Скажите, Пиллер, неужели у вас на душе не так же торжественно и чудно, как у меня?

— Так, так! — возразил Пиллер сухо. — Ведь и мне достаточно нравится это путешествие по Марсу. Кстати, сегодня у нас случайно воскресенье. Разве вы об этом забыли, Штиллер?

— Да; в последние недели я совершенно потерял счет времени. А откуда вы об этом знаете?

— Мой хронометр, кроме обычных часов, минут и секунд, показывает также месяцы и числа. Сегодня у нас воскресенье, 7-е марта.

— Воскресенье, 7-е марта! Священная цифра семь во всем. Да будет она и далее нас охранять и оберегать, — воскликнул профессор Штиллер.

— Прежде всего, я жажду и алчу хорошей еды и солидной выпивки — это лучше освежает жизненные силы и основательнее предохраняет их от растраты, чем ваша цифра семь. Последнее время мы в нашей гондоле вели очень злосчастную жизнь, полную лишений; пора нам снова попасть на хорошее хозяйство и к настоящему семейному очагу.

— Ах вы, вечный прозаик! — ответил профессор Штиллер со смехом. — Здесь вы не будете ни голодать, ни томиться жаждой. Посмотрите только на плоды вон там, наверху!

Профессор Пиллер взглянул в указанном направлении.

— Черт возьми! — вырвалось из его уст. — Неужели эти огромные ягоды, свешивающиеся вниз — продукты виноградной лозы?

— Конечно. То, что вы видите — виноградная кисть с ягодами той величины, которая свойственна только тропическому климату.

Среди таких разговоров ученые и их проводники достигли первых домов. Здесь они должны были убедиться, к своему немалому удивлению, что здания, которые они издали приняли за общественные учреждения, были не что

иное, как величественные частные дома или виллы. Выстроенные из белого, тщательно отделанного камня, они были снабжены с передней стороны высокими, построенными на колоннах балконами или залами, которые представляли крайне привлекательный вид и свидетельствовали о любви местных жителей к свежему воздуху и просторным, не ограниченным стенами помещениям. Для теплого климата подобный вид открытых зал или балконов был самым целесообразным и подходящим сооружением. Широкие мраморные ступени вели в эти залы и служили местом игр для множества цветущих детей, одетых только в одну легкую, светлую рубашку, стянутую у талии поясом. В изгибаах зал гармонично и величественно выделялись большие мраморные фигуры. Все дышало спокойной красотой и радостью и произвело сильное впечатление на путешественников.

Старец повел своих гостей к двухэтажному, похожему на дворец зданию, окруженному роскошной растительностью и по великолепию походившему на местожительство какого-нибудь князя или короля. Оказалось, что это был дом самого старца, который этот последний отдавал в полное распоряжение ученых. Поднявшись по широкой мраморной лестнице, профессора очутились на выстроенном на колоннах открытом, обширном дворе, в середине которого журчал огромный фонтан. Вокруг всего двора были расположены комнаты, похожие на залы, двери которых выходили во двор. Справа двора находилась главная лестница. Она состояла из двадцати широких ступеней, каждая из которых была сделана из одной целой мраморной глыбы длиною в четыре фута. Лестница вела на площадку, освещенную большим окном. С этой площадки еще двадцать ступеней вели в верхний, закрытый коридор, освещенный также большими окнами и украшенный лепным потолком. Из коридора открывался целый ряд парадных комнат, к которым прилегали спальни и ванные. Все здание было полно света и всевозможных удобств.

Старик ударил в ладоши, и несколько молодых людей, очевидно, служителей этого дворца, поспешно прибежали на зов. Старик долго и внушительно объяснял молодым лю-

дям что-то, после чего показал своим гостям жестами и мимикой, что они могут расположиться в этом помещении. Затем он покинул их с приветливым поклоном. Слуги также исчезли, но вскоре вернулись снова и принесли с собою благоухающие, чистые одежды и сандалии, подобные тем, которые носили и все виденные учеными жители Марса. Без слов, но крайне предупредительно, указали они незнакомцам дорогу в ванную.

Удивительно подкрепленные купаньем и окутанные свежими удобными одеяниями, ученые полчаса позднее снова собирались все вместе в высокой, полной воздуха столовой роскошного дома.

Среди зала стоял обеденный стол, уставленный сверкающей серебряной посудой. Тарелки и стаканы были искусно вычеканены из этого же благородного металла. В фруктовых вазах из тончайшего хрусталия виднелись великолепные фрукты, а сквозь граненое стекло графинов заманчиво сверкало какое-то прозрачное, золотистое питье. Вокруг стола стояли тяжелые кресла из какого-то необычайного черного дерева, с золочеными спинками.

По примеру старца, Штиллер забил в ладони, и в комнату вошло семеро слуг, по одному на каждого из гостей. Они держали в руках блюда, на которых лежали ароматичные рыбы.

Ученые основательно принялись за еду. Все единогласно решили, что рыбное блюдо превосходно приготовлено и чрезвычайно вкусно.

За рыбой последовало несколько своеобразных, но удивительно вкусно приготовленных мучных блюд, затем овощи, фрукты и печенье.

Когда завтрак пришел к концу, сопровождаемый несколькими почтенного вида людьми старец показался снова в больших дверях залы. Легкая улыбка заиграла на серьезном, выразительном лице его, когда он снова увидел ученых, которые, одетые в такое же платье, как и он, стояли перед ним в почтительной позе. Старец слегка наклонил голову в знак привета и жестом руки пригласил своих зем-

ных гостей следовать за ним. Они опять направились по дороге, пройденной ими утром.

— Вдруг нас снова отправят туда, откуда мы прибыли!
— сказал с озабоченным видом профессор Фроммгерц.

— Об этом вам нечего беспокоиться, — возразил Штиллер. — В таком случае, нас не приняли бы так любезно.

Теперь все общество уже достигло луга, на котором «Мировой пловец» едва заметно колебался на своих якорях. Старик дал понять ученым, чтобы они вынули свое имущество из гондолы. С этой целью и чтобы быть лучше понятым, старец со своей свитой поднялся по веревочной лестнице в гондолу и вытащил из нее разные предметы, принадлежавшие земным людям. Эти последние поняли старца.

Вскоре после этого весь скромный багаж мировых путешественников очутился внизу. С особым вниманием рассматривал старец все инструменты, которые появлялись из гондолы. Самый сильный интерес пробудил в нем вид телескопа. Штиллер попытался разъяснить ему употребление этого инструмента. Но на его немые разъяснения старец только качал головой и указал, наконец, правой рукой на отдаленное здание, куполообразную крышу которого учений только теперь заметил.

— Клянусь Зевесом, у них здесь также есть обсерватория и даже совсем поблизости! — радостно воскликнул Штиллер. — Друзья, мы должны отправиться туда в нынешний же вечер, чтобы иметь возможность увидеть нашу мать-Землю в виде светлой звезды первой величины и полюбоваться ею!

Штиллер сейчас же объяснил старцу свое желание. Он указал сперва на небо, затем на свой телескоп и, наконец, на купол здания. Затем он вынул из своего багажа большую небесную карту и развернул ее. Указательным пальцем правой руки он указал на те планеты, путь которых вокруг Солнца был обозначен на отдельном углу карты. Теперь старец его сейчас же понял и закивал одобрительно головой.

Тогда профессор постарался разъяснить ему также, откуда он прибыл со своими товарищами. Он указал на нари-

сованную Землю, затем на окружающую ее орбиту Марса, на сам Марс и, наконец, на шар. Громкий звук удивления вырвался из уст старика. Он отлично понял профессора Штиллера и впервые со словами, звучащими, как сердечный привет, протянул ему руку, которую этот горячо пожал.

Старец перевел спутникам, что рассказал ему чужестранец на своем немом языке знаков, и на честных лицах их выразилось чувство уважения к отважным незнакомцам, которые не устрашились такого дальнего пути. Воздухоплавателей снова отвели в их дом, в котором они начали устраиваться поуютней при помощи вещей, привезенных ими из дома. Время уже зашло за полдень. Ничье праздное любопытство не нарушило спокойствия ученых, пока они устраивались в своем роскошном помещении. С безграничным удовольствием они растянулись, по окончании этой работы, на мягких постелях в своих комнатах, чтобы насладиться часок-другой давно неиспытанными ими удобствами мягкого комфорtabельного ложа.

Между тем, приблизился и обеденный час. Обед походил во многом на завтрак, отличаясь только большим обилием всевозможных яств. Насытившись предложенными им произведениями кулинарного искусства, ученые уже хотели встать из-за стола, когда новый сюрприз приковал их к месту. Снаружи, с открытого балкона дома, раздалось хоровое пение человеческих голосов. Песня звучала задушевно и трогательно. Сердца ученых так переполнились умилением, что они едва были в силах побороть свои чувства. Когда чудная песня смолкла, некоторые из них украдкой стерли слезу с глаз.

Ученые вышли из дома, чтобы воспользоваться прекрасным вечером для прогулки и точней изучить местность, которой, вероятно, суждено *<было>* служить им местопребыванием на более или менее долгий срок. Во время этой прогулки им становилось все яснее, что их воздушный шар опустился по соседству с гораздо более обширным поселением, чем они подумали сначала. Это, наверное, был род города, так как, несмотря на общий характер парка или сада, мно-

гочисленные дома, везде стоявшие отдельно, доказывали, что в этом месте проживает сравнительно густое население.

В этом убеждении ученых подкрепило и большое количество людей, еще занятых всевозможными работами. Здесь никто не оставался праздным, хотя, вместе с тем, торопливость казалась совершенно незнакомым этим людям понятием; при всех работах бросалась в глаза известная доля благородного спокойствия. Как благотворно действовало все это по сравнению с шумной суетой людей на Земле! Везде, куда бы ученые не направляли взгляда, виднелось равномерно распределенное благосостояние; даже относительная бедность здесь, по-видимому, была совершенно незнакома. Не только в домах, открытые балконы которых давали свободный доступ любопытному взгляду, но даже и вокруг жилищ, на всех тропинках и дорожках замечалась самая изысканная опрятность.

Тропинка, по которой шли ученые, довела их также до широкого потока, который они сегодня на рассвете видели из своего шара. Это, наверное, был один из знаменитых каналов Марса; насколько хватал взгляд, этот поток был заключен в искусственно укрепленные, прямые, как стрела, берега. Мост со смелой аркой, опирающейся на многочисленные колонны — чудо архитектурного искусства — вел на противоположный берег. На Марсе, казалось, все было проникнуто размеренным спокойствием; сами прозрачные, светло-зеленые воды огромного канала текли тихо и спокойно и несли на своих гребнях множество элегантно построенных судов.

У моста стоял корабль, из которого несколько человек выгружало на берег плиты разноцветного мрамора, глыбы гранита и сиенита. Работа эта совершилась с ловкостью, заставившей остолбенеть наших ученых. Не обладают ли эти жители Марса необычайной телесной силой, не представляют ли они собою род атлетов?

— Какие удивительно развитые грудные клетки у этих людей! Рассмотрите-ка их получше! — с этими словами Пиллер указал своим спутникам на работников. — Уже сегодня утром меня поразило, как прекрасно сложены эти

люди и какие у них широкие плечи. Даже и дети в этом отношении крайне выгодно отличаются от своих земных собратьев. Это совершеннейшие экземпляры расы с крепкими легкими, которым вряд ли знакома чахотка, — продолжал Пиллер.

В это время Бруммгубер подошел к работающим марситам и попытался поднять одну из мраморных плит.

— Этот мрамор кажется мне удивительно легким. Неужели это действительно другая порода камня, чем наша? — крикнул он вопросительным тоном своим товарищам.

Замечание это возбудило любопытство остальных, и они подошли ближе, чтобы исследовать камни.

— Нет, это безукоизненно прекрасный мрамор. Заметьте только тонкое строение и нежно окрашенные жилки, которые пронизывают его! — ответил Пиллер после тщательного исследования.

— А этот великолепный красный камень — лучший сиенит, или я совершенно утратил всякую способность различать минералы, — добавил Гэммерле, тщательно осмотрев камень.

— Попробуемте-ка поднять эти плиты! — решил Пиллер.

— Верно; здесь мрамор, как кажется, имеет меньший удельный вес, чем у нас на Земле. Теперь я понимаю, почему эти люди в состоянии так легко поднимать подобную ношу. Отчего это может произойти? Быть может, вам известна причина этого явления, Штиллер?

— По моему мнению, это явление зависит от малой плотности Марса, которая составляет всего 0,7 плотности Земли, — ответил Штиллер.

— Теперь мне становится понятным, почему сегодня во время обеда бокалы и вообще вся серебряная посуда показались мне такими необычайно легкими, — добавил Тудиум.

— Тогда у меня не было времени долго раздумывать об этом — музыка слишком овладела всем моим вниманием.

— То же самое произошло и со мною, — объявил Штиллер.

— А какова здесь плотность атмосферы? — поинтересовался Фроммгерц. — В этом отношении я не нахожу никаких

кой разницы с нашей земной атмосферой летом. Наоборот, мне даже легче и приятнее дышится здесь, наверху, чем на родине.

— Слой воздуха, окружающий эту планету, значительно ниже того, который окружает нашу Землю. Представьте себе, что вы стоите на горе умеренной высоты — тогда слегка поредевший воздух вокруг будет приблизительно соответствовать здешнему; к сожалению, наши земные барометры на Марсе не могут быть применены с уверенностью в абсолютной точности их, — объяснил Штиллер.

Так как солнце зашло, профессора решили закончить прогулку на нынешний день и вернуться в свое жилище. Они хотели дождаться там посещения старца, чтобы под его предводительством отправиться в обсерваторию.

Не успели они дойти, как ночь начала развертывать свои темные крылья над всей страной. Только на востоке становилось все светлей и светлей. Луна вынырнула из-за горизонта и облила ясным светом тихий, миролюбивый пейзаж.

— Это большая луна Марса, называемая Деймосом, так ярко освещает нам путь, — объяснил профессор Штиллер своим спутникам. — Пройдет всего несколько минут, и вы увидите второго спутника Марса, с которым мы уже пришли сегодня ночью в непосредственное соприкосновение, хотя, по счастью для нас, и довольно легкое.

И действительно: не успел он окончить фразы, как маленький Фобос также поднялся над горизонтом.

— Какое восхитительное зрелище! — воскликнул Штиллер, останавливаясь на минуту, чтобы полюбоваться обеими лунами, свет которых, по силе почти равняющийся дневному, производил очаровательные теневые картины.

— Ожившая волшебная сказка! — сказал Дубельмайер.

— Луны здесь, наверху, кажутся мне гораздо больших размеров, чем, например, наш спутник, — заметил Фроммгерц, прерывая наступившую тишину.

— Это простой обман зрения, дорогой мой! — объяснил Штиллер. — Луны Марса значительно меньше нашей земной луны, но они находятся гораздо ближе от главной планеты: Фобос, например, отстоит всего приблизительно на

9000 километров от Марса, а большой Деймос не дальше, как на 23520 километров. Потому-то эти спутники и кажутся такими большими.

Среди подобных разговоров ученые достигли своего роскошного жилища. Здесь их ждал внимательный хозяин, который сегодня уже оказал им столько любезностей. При лунном свете высокая фигура старца показалась ученым еще величественнее, чем днем, а его длинные волнистые волосы еще серебристей и пышнее.

— Не похож ли он на патриарха древнеиудейского периода? — тихо спросил Штиллер у своего коллеги Фроммерца.

— Вы совершенно правы! — ответил тот. — Назовем этого старца, имя которого нам еще неизвестно, попросту Патриархом. Это имя отлично подходит к нему.

После молчаливого поклона старец повел сыновей Земли к украшенному куполом зданию.

Построенное в форме ротонды, здание было украшено в нижнем этаже рядом бюстов на цоколях из красного мрамора. Эти бюсты, по-видимому, изображали людей, работавших раньше здесь, в обсерватории. Широкие ступени вели вверх в помещение, служившее для наблюдений, в котором уже сидело несколько человек за своей молчаливой работой. Патриарх, наверное, уже успел поговорить с ними, потому что при входе чужеземцев они сейчас же встали и предложили жестом руки занять их места.

Штиллер был поражен удивительной роскошью и величием устройства всего здания. Какой ничтожной показалась ему по сравнению со всем этим его собственная обсерватория там, внизу, на холме возле Штутгарт! Он приблизился к одному из гигантских телескопов.

И принял внимательно рассматривать небо. Кое-где сверкали созвездия или отдельные звезды, хорошо знакомые ему. На самом западе стояла поразительно крупная, сверкающая красным огнем звезда, которая особенно заинтересовала профессора. Судя по ее сравнительно большой близости к Марсу, это была, несомненно, сама Земля! Ученый старательно навел телескоп на заинтересовавшее его

небесное тело. Предположение Штиллера оказалось верным. Благодаря отличавшимся поразительной силой стеклам и чистоте атмосферы Марса, он мог отчетливо рассмотреть матушку-Землю. Различные материки и моря выступали на ней совершенно ясно. От северного полюса книзу можно было даже проследить контуры отдельных стран, выделявшихся на Ледовитом так же, как и на Атлантическом океане, а вон то — да, теперь он это ясно рассмотрел — то, что теперь резко обрисовалось в телескопе, по всем приметам должно было быть Германией.

С радостным волнением Штиллер сообщил товарищам о сделанных им наблюдениях и пригласил их в свою очередь бросить взгляд на далекую дорогую родину. Один за другим все ученые последовали его приглашению.

— Невероятно и все же верно! Это положительно зрелище, единственное в своем роде! Впервые видим мы из огромной дали Землю и нашу родину! — воскликнул с восторгом Гэммерле.

Астрономы с Марса и Патриарх также по очереди посмотрели в телескоп. Они уже знали, откуда приехали сегодня утром эти странные чужеземцы, и легко могли заключить при виде волнения, с которым они наблюдали за одной определенной точкой далекой планеты, что часть, находящаяся в настоящую минуту в поле зрения телескопа, должна быть родиной их гостей.

— Как жаль, что мы не можем вести разговора с нашими здешними коллегами! Какой интересный и поучительный обмен мнений мог бы произойти между нами! — заметил Штиллер своим товарищам, когда они после немого прощания покинули обсерваторию.

— Мы прежде всего должны как можно скорее изучить язык жителей Марса. Знание этого языка — необходимое условие для наших дальнейших исследований, — ответил Гэммерле.

— Верно сказано! — согласился Пиллер; остальные воздухоплаватели кивнули головой в знак согласия.

Оба спутника Марса стояли на небе в виде полных лун, когда ученые шли домой. Луны висели в воздухе подобно

двум большим, поставленным друг на друга шарам, и обливали своим серебристым светом тихий ландшафт. В то время, как Фобос, ближняя, меньшая по размерам луна, быстро двигался с запада на восток, большой, более отдаленный Деймос, двигающейся медленней своего сотоварища, тихо плыл в обратном направлении. Это было такое чарующее и единственное в своем роде зрелище, что сыновья Земли разразились шумным восторгом при виде этой волшебной лунной ночи. Медленными шагами брели они домой, наслаждаясь в полной мере чудесами марсовой ночи.

Глава V

ЛУМАТА И АНГОЛА

Следующие недели прошли для гостей Патриарха в приятном сообществе с ним самим и остальными жителями марсовой колонии. Чужеземцы прилагали все свое усердие и внимание к скорейшему изучению местного языка. Прежде всего, они с этой целью записали все наименования самых разнообразных предметов.

После этого они установили связь между этими предметами и их деятельностью или качествами и получили таким простым образом ключ к самому языку.

В человеческом мире все подвигается крайне медленно; нигде настоящий успех не идет в семиверстных сапогах. И семеро ученых легко могли убедиться в том, что жители Марса достигли поразительно высокой степени культуры в течение многих тысячелетий.

По мере того, как ученые делали успехи в понимании всего окружающего их, в них все сильнее укоренялось убеждение, что жители Марса вполне соответствовали тому идеалу, которого на Земле достигали только самые лучшие и благородные из людей.

Все прекрасное, истинное и доброе, о чем они на родине лишь мечтали, встречалось им здесь наяву; все дышало красотой, благородством и правдивостью, и вся жизнь носила на себе печать благотворной спокойной деятельности. Этой обширной страной, несомненно, управляло мудрое правительство, хотя ученые и не замечали нигде должностных лиц, подобных тем, которые на далекой их родине повсюду бросались в глаза.

Семеро ученых чувствовали себя необычайно хорошо в своем новом месте жительства, и вовсе не думали о возможности вернуться обратно на Землю. Марситы, как они называли жителей Марса, обходились с ними, как с дорогими, старыми друзьями, совершенно равными себе, и гостеприим-

ство оказывалось им в такой деликатной форме, что оно ни-
чуть не стесняло их, пробуждая лишь желание и дальнеше
пользоваться им.

Для самого «Мирового пловца» также нашлось вполне
подходящее помещение. На лугу, на который спустился шар,
был тихо и незаметно выстроен обширный железный, кры-
тый стеклом сарай. В этот-то сарай и поместили «Мирово-
го пловца». Различные повреждения, как большие, так и
маленькие, которые потерпел шар во время долгого пути,
были исправлены марситами так искусно, что Штиллер по-
просту онемел от изумления при виде такой ловкости. Лю-
ди, живущие здесь, наверху, по своему искусству и опытно-
сти в самых трудных вопросах воздухоплавания, показались
ему настоящими волшебниками.

Часто занимал ученых вопрос, чем они могут заплатить
марситам за оказанное им радушное гостеприимство; они
отлично понимали, что долго пользоваться подобной лю-
безностью безвозмездно невозможно. Тогда они решили
сообща, что впоследствии каждый из них постараётся чем-
либо, сообразно со своими призваниями, быть полезным
марситам, чтобы выразить им свою признательность в под-
ходящей форме.

Время проходило. Оно принесло ученым лучшее позна-
ние и понимание своеобразного мира, окружавшего их. Преж-
де всего, им удалось установить, что их местожительство
находится на северном полушарии Марса, вне жаркого поя-
са. Умеренный пояс Марса достигал как на севере, так и на
юге лишь тридцать пятого градуса широты. Дальнеше начи-
налась прохладная область. Тогда как эта область была на-
селена лишь определенным классом марситов, как сообщи-
ли ученым; главная масса населения жила внутри трид-
цать пятого градуса к северу и к югу от экватора.

Что существование этого населения должно быть тесно
связано с огромными каналами, давно уж предполагалось
профессором Штиллером и другими астрономами, наблю-
давшими за Марсом. Теперь это предположение обратилось
в уверенность.

Атмосфера планеты походила во многом на земную. Но,

так как на Марсе существовали лишь сравнительно гораздо меньшие по размерам океаны и внутренние моря, то воздух, окружавший планету, в среднем заключал в себе меньше влаги и водяных паров, чем земной, и благодаря этому ощущался недостаток сильных дождей. Правда, во время чудных прохладных ночей выпадала такая обильная роса, что растительность сохраняла постоянно полную свежесть, но все же этих водяных осадков не было достаточно для потребностей растительного мира. Благодаря всему этому, марситы были принуждены искусственно восполнить этот недостаток. Таким образом возникли каналы, тянущиеся до полярных стран, откуда они летом разносили во все стороны воды, накопившиеся от таяния огромных масс льда, скопившегося на полюсах. Одно грандиозное выполнение этих достигающих тысяч километров длины водяных путей, которые местами стекались в гигантские искусственные центральные бассейны, тщательность и заботливость, с которой они поддерживались, указывали на высокую степень культурности местных жителей Марса.

Регулирование водоснабжения было точно приспособлено к местным потребностям и ко временам года. Благодаря такому устройству и бесконечному количеству меньших каналов и канав, разветвляющихся во все стороны, на Марсе никогда не бывало засухи. Прямым последствием обильного орошения являлась роскошная, пышная растительность, которой наши ученые не могли налюбоваться. К этому еще присоединялось отсутствие диких зверей, ядовитых гадов и опасных насекомых. Сыновья Земли попали в настоящий рай!

Эти многочисленные водяные пути служили в то же время и лучшими и простейшими путями сообщения для жителей Марса. Неудивительно, что каналы пестрели целыми массами всевозможных судов. Но несущиеся по прозрачным волнам глубоких каналов суда не отправляли благоухающего воздуха дымом своих труб. Все они, как предназначенные для пассажиров, так и служащие для перевозки тяжестей, приводились в движение электричеством и совершили свои рейсы бесшумно и быстро.

Наши ученые уже совершили не одну поездку на этих удобно и элегантно устроенных судах. Но во время этих поездок они лишь весьма поверхностно ознакомились с остальной страной и ее обитателями. Все виденное ими только усиливало первое благоприятное впечатление и укрепило их в убеждении, что они находятся в стране, пользующейся безупречным управлением. Все жители Марса, несмотря на различие местоположения, не только были везде одинаковы, то есть говорили на одном и том языке и жили в одинаковых жизненных условиях, как их собратья из Луматы, как называлась колония, куда попали воздухоплаватели, но во всех разнообразных местностях, которые посетили чужеземцы, им бросалась в глаза известная равномерность в распределении имущества и полное отсутствие не только нищеты, но и бедности.

Больших городов на Марсе совершенно не существовало. Тут встречались лишь большие или меньшие группы домов, повсюду сплошь окруженные зеленью. Только около одного большого озера, в двух днях пути от Луматы по направлению к югу, ученые нашли единственный намек на большой город. Тут расположилась довольно значительная колония с многочисленными, выделяющимися по своей архитектуре, зданиями, которые раскинулись правильно проведенными улицами. Этот истый город дворцов особенно поражал величавым спокойствием, царящим в нем, своей необычайной опрятностью и блеском и великолепием своих общественных садов.

Сыновья Земли, еще не вполне владевшие местным языком, лишь сумели понять, что это место, называвшееся Анголой, было центральным местопребыванием Мудрых, Веселых и Серьезных. Что это были за классы? Вернувшись домой, они стали расспрашивать об этом Эрана, патриарха. Патриарх как-то странно улыбнулся при этом вопросе и ответил своим любопытным гостям, что позднее он как-нибудь сам проводит их в Анголу, чтобы познакомить со своими тамошними братьями, которые, впрочем, уже давно уведомлены об их пребывании в Лумате так же, как о происхождении и путешествии.

Вначале тюбингенские уроженцы были совершенно поглощены своими экскурсиями, записыванием ежедневных наблюдений, добытых ими, новых впечатлений и изучением языка, но, привыкнув к серьезной, энергичной деятельности, они смотрели на приятную и идеально прекрасную жизнь на Марсе, как на род вечной праздности.

Целый год уже прошел с того дня, когда они начали свое путешествие на Марс. Но в то время, как внизу, на родной Земле, стояла у дверей зима со снегом и морозами, здесь наверху, в Лумате, царила вечная весна, хотя марситы и называли время года, в котором они находились в настоящее время, довольно поздним.

Год на Марсе делился на семь частей, которые выражали как периоды деятельности в природе, так и ее периоды отдыха. Считая по-земному, каждый подобный промежуток времени заключал в себе приблизительно пятьдесят два дня. Отдельные периоды назывались:

1. Пора пробуждения.
2. Пора посевов.
3. Пора почек и цветов.
4. Пора плодов.
5. Пора снопов.
6. Пора сбора плодов или радости.
7. Пора отдыха.

Постепенно сыновья Земли сделали такие значительные успехи в изучении языка Марса, что получили возможность основательно познакомиться с государственным строем марситов. Перед их глазами все больше развертывалась обширно задуманная, огромная община, основанная не на праве сильного, но исключительно на свободной воле народа, связанная общностью интересов. Каждый отдельный человек служил здесь общему благу и оказывал ему услуги сообразно со своими способностями. Таким образом, все государство казалось, правда, большой, но все же тесно связанной семьей, полной единодушия. Во главе правительства стоял класс Мудрых или охранителей зако-

на. Народонаселение Марса разделялось на следующие семь колен или классов:

1. Класс Мудрых или охранителей закона.
2. Класс Веселых (творческие искусства: живописцы, ваятели, композиторы).
3. Класс Серьезных (ученые всевозможных родов).
4. Класс Жизнерадостных (искусства подражательные: музыканты, актеры).
5. Класс Трудящихся (земледельцы, садовники и домашние слуги).
6. Класс Смышленых (торговцы и маклеры).
7. Класс Изобретательных (ремесленники).

Последние шесть классов по наружности совершенно походили друг на друга. Первый же класс набирался из самых опытных, старейших и, прежде всего, из самых почтенных и выдающихся по своему образу жизни лиц как мужского, так и женского пола остальных шести классов.

Самым многочисленным классом, превосходящим по численности все остальные, вместе взятые, был класс Трудящихся.

Допущение в число классов известного рода, исключая лишь класс Мудрых, определялось склонностями и способностями. Переход из одного класса в другой мог происходить на основании испытаний в определенные заранее сроки. Никто не был ничем связан, и именно это полное отсутствие принуждения казалось здесь одной из главных причин высокого развития разных отраслей искусств, наук и ремесел.

Вполне естественное, разумное честолюбие, побуждающее всех исполнять избранное дело как можно лучше, одушевляло всех жителей Марса.

Так как на Марсе денег в обращении не было, не существовало там и отвратительной, одинаково калечащей как тело, так и душу жадности и жажды наживы, царящей на Земле. Денежные заботы были совершенно незнакомы здесь. Различные работы отдельных лиц ценились сообразно с

их общими жизненными потребностями. Но к этим потребностям причислялась также известная сумма жизненных радостей того рода, какие могут нам дать искусства творческое и подражательное.

Высшая слава и высшая честь заключались во всеобщем уважении. Этого же мог достигнуть всякий добросовестным исполнением своих обязанностей. За те же работы, которые выходили за пределы обязательного, то есть за то, с чего начинаются действительные заслуги, марситы получали от класса Мудрых отличия в форме публичной хвалы, которые давали право получившим их быть избранными в более зрелых летах в этот высокочтимый класс.

Народ, обитающий здесь, наверху, казался союзом братьев и сестер, знающих, правдивых, свободных и добрых, осуществлявших лучший идеал человечности. И эти твердые основы вышли, воздвиглись из великолепно организованного всеобщего и свободного обучения юношества на Марсе.

Прошло несколько дней. Однажды Эран, патриарх из класса Мудрых, снова появился в доме своих гостей и пригласил ученых поехать с ним на короткое время в Анголу. Все с радостью согласились. На этот раз достойные сыны Швабии были официально приняты классом мудрых. Все члены этого класса собрались здесь вместе, чтобы кстати еще решить целый ряд важных вопросов. Одновременно здесь проводил день и класс Серьезных, чтобы обменяться мыслями и наблюдениями научного характера на одном из собраний, происходивших здесь от времени до времени.

Прием сыновей Земли в Анголе по своей сердечности не оставлял желать ничего лучшего. Их столь чудесное и быстрое путешествие с Земли через необъятное пространство к «Отпрыску Света», как называли марситы свою прекрасную планету, понятно, вначале был темой всеобщих разговоров и живейшего интереса.

При первом заседании класса Серьезных, происходившем в величественно убранном зале одного из мраморных дворцов, профессор Штиллер пояснил различные обстоятельства, побудившие его к постройке «Мирового пловца»

и смело выполненному с таким блестящим успехом путешествию. Затем он рассказал собравшимся о своей далекой родине, о европейских народах и вообще о Земле. Последняя была знакома Серьеznым. Понятие, составленное ими о ней, благодаря существовавшим на Марсе необыкновенно сильным телескопам, а также необычайной сообразительности ученых, поразительно близко сходилось с истиной.

Нетрудно было, благодаря этому, ученым чужеземцам, так сказать, заставить марситов совершить прогулку по Земле, о которой они уже имели такие основательные сведения. Они набросали им точную картину своей родины и описали то место на берегах Неккара, с которого они предприняли свое путешествие на Марс.

Все эти описания выслушивались с живейшим интересом как Мудрыми, так и Серьеznыми. Этот интерес еще усилился, когда они узнали, что семеро чужеземцев также принадлежали на Земле к классу Серьеznых.

Было решено, что каждый из профессоров по очереди в определенный день прочтет две лекции, одну специальную, а другую на интересующую всех тему о жителях Земли и состоянии их культуры. Профессора в совершенстве выполнили эту задачу.

Когда Штиллер объявил об окончании лекций, Мудрые и Серьеzные удалились для совещаний между собою, из которых чужестранцы были исключены. Результат этого совещания должен был быть объявлен им позднее.

— И о чем это они там будут совещаться? — озабоченно спросил Фроммгерц.

На следующий день, числом десятый, их пребывания в Анголе, ученых снова отвели с большой торжественностью в большой зал для заседаний, в котором они читали свои лекции. Старейший из старых, настоящий геркулес по сложению по имени Анан, поднялся с места и прежде всего снова приветствовал гостей самыми сердечными словами.

— Дорогие друзья мои! — сказал он им затем. — Мы все вчера с живым участием выслушали описания общих и частных условий, царящих на вашем мировом теле. Ваши опи-

сания сначала показались нам простой сказкой. Мы и признали бы их за таковые, не будь мы совершенно убеждены в серьезности ваших взглядов на жизнь, вашей добросовестности и честности. Не напрасно наблюдали мы за вашей жизнью в Лумате. Результатом наших наблюдений было приглашение вас всех сюда — высший знак нашего уважения и доверия. Теперь же я обращаюсь к вашим разъяснениям. Напрасно перелистывали мы историю нашего прошлого; такого варварского, исполненного всякой лжи и неправды положения как в жизни отдельных лиц, так и в жизни народов, какое существует у вас еще теперь, мы, к счастью, никогда не знавали.

Нам было очень больно слышать, как у вас всякий шаг вперед, даже самый незначительный, сопровождается целым морем слез, крови и погибших существований. И все же ведь вы сами это сказали, — когда-нибудь должно быть, да и будет лучше и у вас на Земле. Вы сами живые доказательства этого, потому что вы уже ныне представляете собою то, чем, по вашим же словам, вся масса народностей станет впоследствии. Смелые, честные люди с развитым умом, подобные вам, должны работать там, внизу, на Земле над дальнейшим развитием своих братьев.

Поэтому совет наш следующий: возвращайтесь назад на свою Землю!

— О Небо, так я и чувствовал! — простонал при этих словах Анана профессор Фроммгерц про себя.

— Вернитесь назад в вашу Швабию, к честному народу, из среды которого вы происходите, и посвятите себя там снова высокому делу усовершенствования человечества. Нам далека мысль изгонять вас отсюда; как теперь, так и дальше вы остаетесь нашими дорогими гостями.

— Благодарение Небу! — благочестиво пробормотал Фроммгерц.

— Но я откровенно сознаюсь, что высказываю теперь мнение всех моих братьев и сестер: вы первые и последние чужеземцы, которым разрешено достичь нас с какого-либо из далеких Детей Света. Это решение — главный пункт результатов нашего совещания. В интересах собственного на-

селения мы отказываемся от дальнейших сношений с жителями других миров и мы уже издали самое строгое постановление на будущее время не позволять больше ни одному воздушному кораблю приставать на наш «Отпрыск Света».

Глава VI

В ЦАРСТВЕ ЗАБЫТЫХ

Время проходило с поразительной быстротой в обществе любезных марситов и в совершении малых и больших прогулок и целых путешествий. Во время одной из своих экскурсий они зашли дальше обыкновенного за пределы собственно населенной полосы планеты. На ученых повеяло чем-то родным при виде хорошо выхоленных хвойных и лиственных лесов, чередующихся с сочными зелеными лугами и красивыми темно-синими озерами, которые здесь предстали их глазам. Кое-где однообразие прерывалось высокими горными цепями, и их покрытые снегом вершины еще более усиливали сходство пейзажа с альпийским.

Здесь они наткнулись также на рассеянные, далеко отстоящие друг от друга колонии марситов, которых серьезные и молчаливые фигуры составляли поразительный контраст с веселым и бодрым видом их остальных единоплеменников. После некоторых расспросов учёные узнали, что подобные мелкие колонии существуют также и в южном прохладном поясе Марса. Колонисты назывались «Забытыми», потому что их имена были временно, или даже на всегда, исключены из списков классов марситов.

— В таком случае это, вероятно, преступники, изгнанные остальными из общества и принужденные здесь, наверху искупать свою вину? — спросил Дубельмайер.

— Мы знаем только нарушителей законов, никакие другие преступники нам неизвестны, — объяснили ему.

— Ну, в конце концов, ведь это одно и тоже, — ответил Дубельмайер. — В чем же состоит у вас нарушение законов, влекущее за собою исключение из общества?

— В недобросовестном исполнении общих обязанностей и обязательств.

— Ну, в таком случае у нас на Земле следовало бы сослать девять десятых всего народонаселения, и нам было

бы весьма трудно найти место для всех этих ссыльных, — воскликнул Пиллер, пораженный подобным объяснением.

— Мы ведь не на вашей планете, — ответил с лукавой улыбкой Фаран, проводник ученых.

— Но ведь страшно жестоко вырывать своего собрата из привычной и дорогой ему среды из-за незначительного проступка, — заметил Гэммерле.

— Только мы сами в состоянии судить о серьезности проступков против наших правил жизни, — серьезно возразил Фаран.

— Несомненно! — согласился Штиллер.

— Но ведь прощение — венец любви! Неужели вы никогда не прощаете? — осведомился Фроммгерц.

— Конечно, прощаем! В большинстве случаев Забытые снова получают свои имена через известный срок испытания. Тогда путь к возвращению на старую родину и к вступлению в прежний класс снова открыт для них. Но только весьма немногие пользуются своим правом. Раз изгнанный из известной среды, наш брат без имени обыкновенно предпочитает остаться там, куда его выслали, и посвятить свою жизнь работе на благо всех остальных.

— А в чем же заключается эта работа? — поинтересовались ученые.

— В безукоризненном ремонте и чистке каналов, начинаяющихся в этой местности; это столь же важная, как и трудная задача, от добросовестного исполнения которой зависит наше всеобщее существование.

— Но кто же заботится о содержании Забытых?

— Они сами. Они, кроме своей главной работы, занимаются еще скотоводством, земледелием и тому подобным. Если когда-нибудь настанет день, когда у нас не будет больше Забытых, нам придется самим исполнять эти работы. На этот случай уже заготовлены самые точные распоряжения, потому что число Забытых у нас уменьшается с каждым годом, — пояснил Фаран, их проводник.

— Удивительно счастливая планета, этот Марс! Даже преступники становятся благодетелями человечества благодаря своим трудам на общую пользу! — воскликнул Штиллер

и с восторгом прибавил: — Но скоро нам придется покинуть наш рай и снова вернуться в Тюбинген.

— Нельзя ли хотя бы мне остаться здесь? — сказал Фроммгерц.

— Это невозможно! Это совершенно неудобно! Мы приехали все вместе и поэтому должны и уехать вместе. Это ясно. Мы все, исключая, к сожалению, вас, решили, что должны уехать, хотя расстаться с этой восхитительной планетой нам будет крайне тяжело, — сказал Штиллер.

Немного пристыженный этим суровым ответом, звучавшим точно выговор, Фроммгерц не стал далее обнаруживать своих чувств; но с этого момента он глубоко затаил в груди одну думу.

Среди пейзажа, открывающегося в настоящее время перед глазами путешественников, Дубельмайеру бросилась в глаза величественная гора, которая поднимала в гордом одиночестве свою покрытую снегом вершину высоко к небу. Пирамидальное строение этой горы выдавало ее вулканическое происхождение. С ее немного пригнувшейся вершины должен был открываться удивительный вид во все стороны. При этой мысли в груди Дубельмайера проснулась вся его былая страсть к горным экспедициям.

— А что, если бы мы при конце нашего пребывания на Марсе посетили вон ту великолепную гору?

— Я пойду с вами, — кратко и решительно заявил Штиллер.

— И я тоже! — объявил Пиллер. — Как называется эта гора, Фаран?

— Горой Молчания.

— Удивительное название! — заметил Штиллер. — А кто еще присоединится к нам?

Но остальные четыре сына Швабии никак не могли решиться на подобную экспедицию. Их удерживала какая-то усталость и вялость. Решили, что они подождут здесь возрвращения своих трех друзей. Фаран позаботился о всех нуждах маленькой экспедиции, не забыв при этом и подходящей одежды и прочих необходимых принадлежностей. Троє ученых отправились в путь в сопровождении трех мар-

ситов. Моторная лодка быстро подвезла их по одному из каналов к самому подножью горы, которая по мере их приближения казалась все величественней. Дубельмайер определил ее высоту над поверхностью равнины в три тысячи метров.

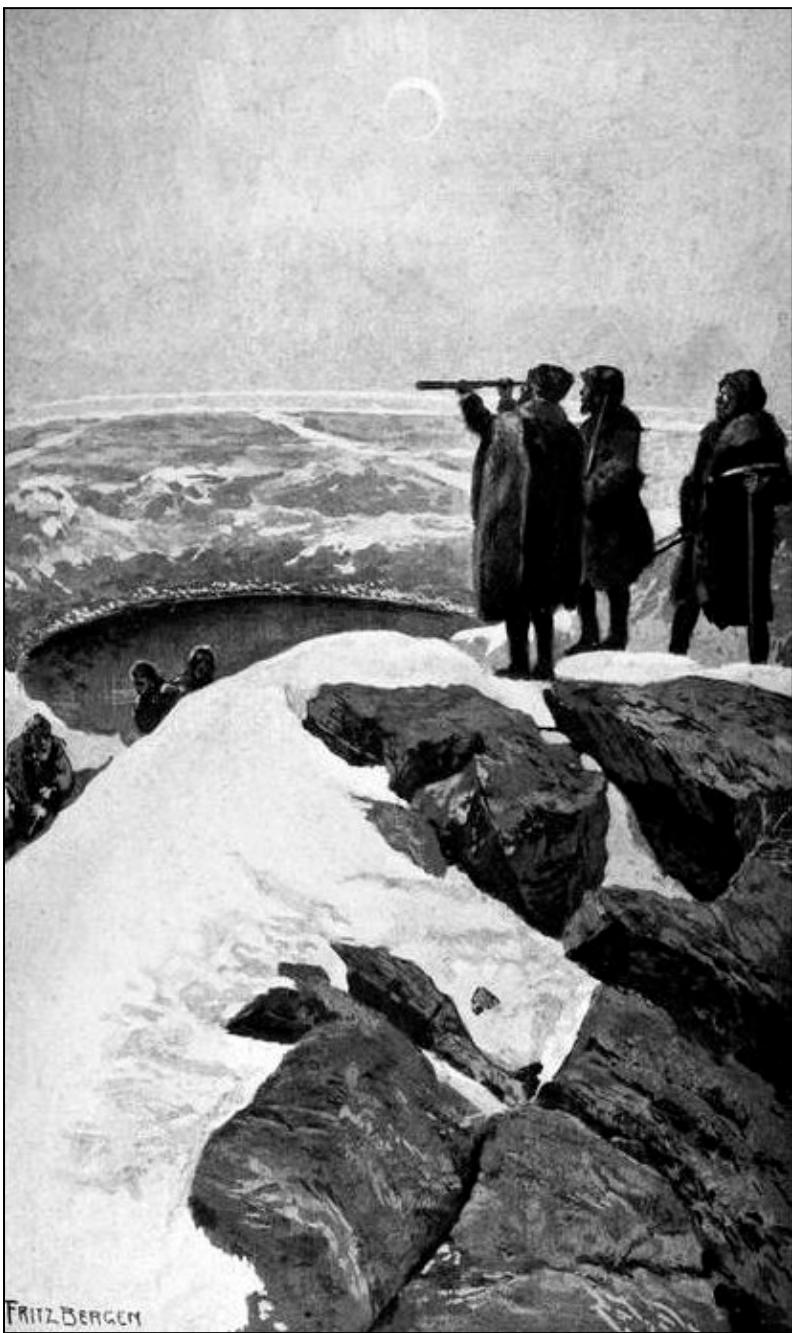
Слоны горы отличались значительной крутизной и на нее можно было взобраться только по длинной, зигзагообразной линии. Это было делом далеко не легким. При каждом шаге нога погружалась по самую щиколотку в черную пыль выветрившейся лавы. Долгие часы продолжался тяжелый подъем, пока ученые не достигли, наконец, границы вечных снегов. Здесь устроили привал. Несколько часов отдохна должны были снова оживить упавшие силы путников.

Настала ночь. Фобос и Деймос медленно плыли по своему спокойному светящемуся, пути когда ученые снова отправились в путь с целью медленно взобраться на вершину горы по крепко смерзшемуся снегу. Глубокие рубиновые оттенки на восточной стороне неба возвещали восход солнца, когда сыновья Земли, наконец, благополучно достигли вершины ее. Вскоре над горизонтом показалось и солнце в виде огромного раскаленного шара, и облило своими лучами горы и долины. Вид поражающей красоты вознаградил ученых за все трудности подъема в гору.

Гора Молчания значительно превосходила по своей высоте все остальные возвышенности. Это был самый высокий пункт северного полушария Марса. Взгляд свободно и без малейшей преграды проникал до самого горизонта. Благодаря редкому, прозрачному воздуху все, даже самые отдаленные предметы были ясно видны. Далеко-далеко к северу трое ученых могли рассмотреть при помощи сильных марсовых телескопов, захваченных с собою, белую дугобразную линию. Ученые сперва не могли понять, что означает эта линия, похожая на застывшее ледяное море.

— Да ведь это северный полюс Марса! — внезапно вырвалось из уст Штиллера. — Какова же будет эта картина ночью!

— Что вы хотите сказать? — поинтересовался Дубельмайер.

Fritz Bergen

— Я говорю об огненном, электромагнитном полярном лучеиспускании, — объяснил Штиллер.

С наслаждением провели ученые весь день в лежащем высоко над долиной кратере, жалея лишь о том, что остальные товарищи не с ними. Когда настал вечер, они хорошенько закутались в шубы. Марсовые луны еще не взошли, но по направленно к северному полюсу, который друзья рассмотрели утром, начало поблескивать сначала изредка, затем все сильней и быстрей. Наконец из земли поднялись огненные лучи, образовали над полярным горизонтом полукруг и снова исчезли. Удивительные переливы оттенков и цветов от ослепительного золотисто-красного до светящегося сапфирно-голубого, связанные с увеличением и исчезновением дрожащих лучей, составили картину необычайной красоты.

— Это блестящее явление природы — достойный финал нашего посещения горы Молчания, — сказал Штиллер своим друзьям, когда полярное сияние все более и более блекло под влиянием взошедших в это время светлых лун Марса.

Глава VII

ПРОЩАНИЕ

После возвращения из страны Забытых, Фроммгерц начал все больше и больше избегать сношений со своими бывшими товарищами. Он, конечно, продолжал встречаться с ними за столом, но затем, каждый раз, когда это можно было сделать без особой неловкости, удалялся из их общества. По вечерам, которые обыкновенно проходили в общих разговорах и обмене мыслей в прекрасном доме в Лумате, он уходил на уединенную прогулку и наслаждался в молчаливом восторге волшебством марсовых ночей. И отсюда ему нужно было уехать, уехать из этого рая, снова вниз на холодную Землю? При этой мысли сердце Фроммгерца замирало в груди. Остальные учёные были слишком заняты каждый сам собою, чтобы придать большое значение поведению своего товарища.

Штиллер уведомил через Эрана центральное заседание класса Мудрых в Анголе, что он и товарищи его окончательно решили вернуться на Землю. Они намеревались отправиться в путь в день своей второй годовщины на Марсе.

В ответ на это пришло приглашение снова приехать в Анголу. Прием, оказанный им там, не оставлял желать ничего лучшего. Был дан целый ряд празднеств в честь их, в виде торжественного прощания с ними.

Последний торжественный обед был дан в огромной зеркальной галерее дворца Мудрых. На этом обеде присутствовали приглашенные со всех концов Марса, равно как и представители от всех классов. На западе уже начало спускаться к горизонту Вечное Светило — Солнце. Большие зеркала залы отражали его краткие золотые лучи в тысячах направлений. Весь зал был залит волнами и потоками света, положительно ослепляющего глаза. Сквозь открытые окна во дворец проникало благоухание цветов. Легкий вечерний ветерок тихо шелестел листьями верхушек стройных

пальм парка. Ясно и спокойно улыбалось темно-синее озеро сквозь зеленые ветви деревьев, среди которых еще продолжали летать и чирикать в торопливой суете тысячи птичек, шныряя меж выюющихся растений, переплетших стволы своими цветущими гирляндами. Еще дальше мягкие линии возвышенностей, окрашенных лучами заходящего солнца в бледно-розовый цвет, обрамляли восхитительный пейзаж, которым сыновья Земли должны были любоваться сегодня в последний раз. Ученые появились в зале первыми и стояли теперь у высоких окон, погруженные в волшебно прекрасное зрелище.

Зал постепенно наполнялся приглашенными. Все подходили к сыновьям Земли и пожимали им руки. Когда появился Анан, все уселись за стол. Возле старейших из старших поместились семеро ученых. Люстры зала засверкали электрическим огнем. Они осветили пышно украшенный стол и большое, торжественно настроенное общество. Внизу перед зеркальной галереей, на огромной террасе, расположились хоры певцов и музыкантов, которые во время обеда попеременно услаждали слух пирующих чарующей музыкой.

По окончании обеда, Анан поднялся с места.

— Братья и сестры, — начал он свою речь, — час разлуки пробил в Анголе. Наши гости из далекой Швабии в самом непродолжительном времени снова возвращаются к себе. Да достигнут они целыми и невредимыми почвы своей родины! Они навеки будут жить в нашей памяти. Мы решили начертать их имена золотыми буквами на мраморных досках здесь, в этом зале, рядом с их портретами, в воспоминание нашим далеким потомкам об их отважном путешествии к нам и долгом, не нарушенном ни малейшим недоразумением пребывании среди нас.

А теперь, мои дорогие друзья, — с этими словами Анан обернулся к семи ученым, — мы предназначили вам на память о нас ряд подарков, изготовленных сообща искусствами и науками на нашем «Отпрыске Света». Возьмите же с собою эти произведения, которые лежат там, на столе, в память о вашем пребывании среди нас. Передаю вам вот эту

золотую книгу. В ней содержатся история развития нашего народа, наши законы, которые исходят из одного основного положения: не делай другим того, чего ты не желаешь, чтобы другие делали тебе.

Когда почтенный старец смолк, кругом воцарилась мертвая тишина. Затем поднялся Штиллер. С глубоким сердечным волнением поблагодарил он прежде всего, от имени своих товарищих и своего собственного, присутствующих за все радущие и внимание, оказанное им здесь, наверху. Затем он заговорил о том, что встретил здесь высоту и зрелость развития, о которых раньше даже едва осмеливался мечтать, не считая их осуществление возможным. Он сказал, что он и его товарищи научились здесь весьма многому и освободились от многих заблуждений.

— Никогда, до последнего дня нашей жизни, не забудем мы, что вы сделали для нас, чем вы были для нас и какую честь вы нам оказали. Когда мы в грядущие дни внизу, на нашей родине, увидим в бесконечной дали ваш Марс, ваш «Отпрыск Света», посылающий нам свои яркие лучи, мы в глубине сердца всегда будем с вами и с тоскою мысленно перенесемся к лучшей поре нашей жизни. Будьте счастливы, дорогие друзья! Обнимают Анана за всех вас и за всех вас касаюсь в братском поцелуе его чистого чела. Ведь все мы, называющиеся людьми, — братья, как здесь, так и там, внизу, на Земле!

Слова Штиллера произвели на всех присутствующих потрясающее впечатление и, когда он затем приблизился к благородному старцу Анану, обнял его и поцеловал, в зале раздались громкие одобрения.

Через несколько дней после трогательного прощания, семь ученых снова находились в Лумате. Штиллер был весь поглощен последними заботами о воздушном шаре.

Со времени отлета из каннштадтского парка в знаменательный декабрьский вечер прошло почти два с половиной года. В течение этого времени Марс снова удалился от Земли на огромное, во много миллионов километров, расстояние и находился в настоящее время на ровно вдвое большем расстоянии от Земли, чем во время их отбытия. Штил-

лер высчитал, что им по земному времени придется провести в гондоле по крайней мере пять полных месяцев, да и это лишь при условии, что никакое непредвиденное обстоятельство не нарушит полета «Мирового пловца»; но если он и его товарищи достигли однажды при удовлетворительном физическом здоровье и без особых помех Марса, почему бы им не совершить так же удовлетворительно обратной поездки?

«Мирового пловца» извлекли из сарая и теперь, прочно привязанный на якоре, он качался на том же месте, куда некогда спустился. Последний день пребывания на Марсе настал для всех слишком скоро. На другой день, на самой заре, должен был совершиться отлет из Луматы. Эран, гостеприимный, почтенный старец, не отказал себе в удовольствии предложить своим гостям еще один роскошный прощальный обед, который снова был окрашен чудным искусством артистов и певцов из Луматы.

Глава VIII

ОТЩЕПЕНЕЦ

Во время обеда, при общем приподнятом настроении, никто не обратил особенного внимания на исчезновение Фроммгерца. Только в конце пиршества, затянувшегося до первых утренних часов нового дня, когда сыновья Земли поднялись с мест и намеревались покинуть дом Эрана, в котором они прожили целых два года, они заметили исчезновение товарища. Его искали по всему дому, но не нашли нигде. Зато в его комнате на столе всем бросилось в глаза письмо. «Моим друзьям и товарищам», гласил адрес.

Штиллер вскрыл письмо и быстро пробежал его содержание.

— К сожалению, в нашей среде оказался отщепенец, — объяснил он своим озабоченным товарищам. — Выслушайте, что пишет Фроммгерц. Но прежде всего сядем и обсудим спокойно, что нам предпринять дальше.

Ученые согласились, и Штиллер попросил Эрана и остальных марситов потерпеть несколько минут, ссылаясь на отсутствие своего седьмого и последнего спутника. Эран сейчас же удалился вместе со своими, оставив путешественников одних.

— Ведь я давно уж был наполовину склонен думать, что Фроммгерц окажется изменником, — начал Пиллер с гневом. — Прочтите-ка нам этот документик, Штиллер.

— «Простите мне, дорогие друзья и товарищи, что я готовлю вам тяжелое разочарование. Я не в состоянии возвратиться вместе с вами на Землю, на нашу старую родину. Я долго и тяжело боролся сам с собою по этому поводу, но я не в силах покинуть Марс, это было бы для меня равносильно смерти, а ведь вы этого, наверное, не желаете? Здесь, наверху я нашел осуществленным все, о чем так страстно мечтал на Земле. Неужели же теперь я должен покинуть этот рай и вернуться снова к узким и неискренним взгля-

дам на жизнь и отношения, прожив так долго в чистом свете истины? Нет, это невозможно! Разве благородный Анан в Анголе не разрешил нам остаться здесь, наверху, если угодно? Хорошо! В таком случае, хоть я воспользуюсь этим разрешением и предоставлю вам ехать обратно одним.

Я отлично знаю, что глубоко оскорблю вас подобным решением, но я положительно не в состоянии поступить иначе. Не судите меня слишком строго и, если возможно, прощите мне во имя старой дружбы! Я остаюсь здесь, наверху, совершенно добровольно. На вас не может пасть ни малейшей ответственности за то, что вы вернетесь на родину одни, без меня. Дай Бог вам достигнуть ее благополучно! Это мое самое искреннее, самое горячее желание. Поклонитесь от меня моему Тюбингену, поклонитесь моей дорогой Швабии и моим тамошним родственникам! Скажите им, что я чувствую себя здесь счастливым, как в раю, и поэтому не хочу больше возвращаться на Землю с ее муками и страданиями. Не делайте попыток искать меня. Вы все равно меня не найдете в моем верном убежище, в котором пробуду, пока вы не уедете. Будьте счастливы! Мысленно остаюсь, как и раньше, вашим другом. Фридolin Фроммгерц».

Когда Штиллер окончил чтение письма, ученыe просидели некоторое время в мрачном молчании.

— Несчастный отщепенец! — начал ворчать Дубельмейер.
— Теперь у меня словно завеса спадает с глаз, и я понимаю, почему он вел себя так странно последние недели.

— Оставим это! — сказал Штиллер. — А теперь я поговорю с Эраном.

Почтенный старик выслушал рассказ Штиллера, не выказав ни малейшего признака удивления.

— Я нахожу, что ты отлично поступаешь, не принуждая своего брата возвращаться с вами. Каждый человек имеет, до известных пределов, право располагать собой по-своему. Оставьте его совершенно спокойно здесь и возвращайтесь с остальными братьями на Землю.

Эран непременно пожелал проводить шестерых сыновей Земли до «Мирового пловца». Все взрослое население Луматы последовало за ним. Во всей толпе царило серьез-

ное молчание — выражение искренней печали по поводу предстоящей разлуки. Молча прошли они к лугу, на котором в прозрачном и чистом воздухе восходящего дня качался «Мировой пловец».

— Попрощаемся быстро и коротко, не будем усиливать грусти разлуки лишними словами! — заметил Эран, обнимая ученых одного за другим. — Пусть счастье сопутствует вам на обратном пути! Желаю вам благополучно достигнуть вашей отчизны!

Еще одно рукопожатие, поклоны со всех сторон, и отважные воздухоплаватели поднялись в гондолу. Канаты обрубили, и шар начал медленно и гордо подниматься, приветствуемый первыми лучами восходящего солнца.

В эту минуту к месту отправления быстро подбежал Фридolin Фроммгерц. Толпа дала ему дорогу.

— Будьте счастливы, друзья! — закричал он громким голосом. — Еще раз простите мне, что я остаюсь здесь вместо того, чтобы вернуться с вами. Счастливого пути вам всем и поклонитесь от меня моей дорогой Швабии!

Но ученые из гондолы с трудом только могли расслышать слова Фроммгерца. Ответить ему они уже не имели возможности. Все быстрее и быстрее удалялся «Мировой пловец» от прекрасной планеты, и вскоре уже летел по темному, холодному мировому пространству.

Глава IX

СНОВА НА ЗЕМЛЕ

Внезапно, точно молния из ясного неба, в один прекрасный сентябрьский день весь Штутгарт поразило известие, что господа профессора, которые уже почти три года тому назад отправились из каннштадтского парка на Марс, опустились на один из островов южных морей и даже вместе со своим шаром, «Мировым пловцом». В первые минуты никто не хотел верить этому известию; его сочли за дурную шутку. Когда же оно появилось в «Правительственных ведомостях» королевства Бюргенбергского среди других официальных уведомлений и распространилось в тысячах добавочных листков, наконец и самые упрямые из пессимистов должны были убедиться в истине этого известия:

«Матупи, 31 августа, ночью.
“Мировой пловец”, возвращаясь с Марса, опустился здесь. Штиллер, Пиллер, Бруммгубер, Гэммерле, Дубельмайер и Тудиум относительно здоровы.
Начальник округа».

В первом необычайном возбуждении никто не обратил внимания на то, что в телеграмме упоминалось лишь о шести членах экспедиции. Только немного спустя вспомнили и о седьмом ученом. Мнения быстро согласились по поводу этого пункта: Фроммгерц, несомненно, умер во время путешествия.

С величайшим нетерпением стали ожидать дальнейших сведений не только в Швабии и в Германии, но и во всем культурном мире. Каких интересных, необычайных отчетов можно было ожидать от этих исследователей, которых давно уже считали погибшими!

* * *

Первое время после отъезда с Марса прошло довольно сносно для жителей гондолы. По заявлению Штиллера, «Мировой Пловец» находился на верном пути и в сфере притяжения Земли. Путь снова потребовал от ученых всего их здоровья, терпения и выносливости. Прошли целые месяцы, а цель их полета — Земля — все еще не хотела показываться. Многострадальные ученые чувствовали себя все более и более истощенными и мысленно часто завидовали оставшемуся на Марсе Фроммгерцу.

Но в конце концов даже самая длинная, темная ночь должна уступить рассвету. Приближался конец августа. «Мировой пловец» уже более пяти месяцев летел по мировому пространству. Штиллер со дня на день ожидал вступления воздушного шара в атмосферу Земли. И действительно! Начинающийся слабый свет указывал на ее близость.

Как некогда, при приближении к Марсу, вылетели из памяти все трудности пути, так произошло и теперь. Когда Штиллер сообщил своим товарищам, что они только что вошли в земную атмосферу и, вероятно, сегодня же опустятся где-нибудь на Землю, если только товарищи не пожелают прямо пролететь на «Мировом пловце» в Германию, в гондоле раздались громкие крики ликования. Все лишения и опасности, все неудобство долгого пути были сразу позабыты.

— Куда бы то ни было, но только скорее на Землю и вон из этого проклятого ящика! — объявил Пиллер.

— Право, мы уж довольно долго были заперты в нем. Пиллер прав, — поддержал его Тудиум.

— Я не останусь в этой ужасной клетке ни одного часа дольше, чем это необходимо, — решил Гэммерле; Дубельмайер и Бруммгубер вполне согласились с его мнением.

— Ну, если таково ваше желание, мы опустимся на Земле, где только окажется возможным, — ответил с обычным спокойствием Штиллер. — Мы только должны позаботиться о том, чтобы высадиться в какой-нибудь хоть сколько-

нибудь цивилизованной стране и не попасть нечаянно в открытый океан.

Если меня не обманывают глаза, мы несемся теперь над восточным берегом Австралии, — мы опустимся на Землю близ Брисбенэ в Квинсленде.

Вдруг страшный порыв ветра схватил гондолу и вместе с шаром закружила ее с поразительной быстротой. Ученые должны были ухватиться за ближайшие предметы, чтобы не быть отброшенными в разные стороны, подобно мячикам.

— В последнюю минуту мы попали в один из циклонов, которые так часто свирепствуют в этой местности, — закричал Штиллер своим перепуганным товарищам. — Теперь нам понадобится все наше мужество. Мы стали игрушкой слепого случая.

Ураган свирепствовал несколько страшных часов с неуменьшающейся силой и порывистостью. Ветер с воем врывался в открытое, расщепленное окно гондолы и крутил в ней все, что не было крепко привинчено к месту. Благодаря ужасному шуму урагана, всякий разговор стал невозможным. В конце концов обитателям гондолы пришлось лечь на пол ради большей безопасности. Совершенно беспомощный шар несся, куда гнала его буря. Это было поистине трагическое происшествие, смутившее покой путешественников в последние минуты пути, когда они уже собирались высадиться на Землю. К этому прибавлялась грозная опасность, что «Мировой пловец» будет заброшен далеко в открытое море и экспедиция, до сих пор так благополучно совершившая необычайное путешествие на Марс, погибнет в морских волнах родной планеты Земли.

Печальные, смутные мысли терзали ученых. Так прошел целый ряд часов. Так много обещавший с утра день клонился к концу. Сила бури, казалось, начала ослабевать.

В эту минуту шар упал на высокие верхушки пальм, которые с треском обломились под его тяжестью. Одетые в белое люди торопливо подбежали к месту спуска. К ним присоединились и почти голые темные фигуры туземцев, которые вскоре, крича и жестикулируя, окружили место, про-

чищенное «Мировым пловцом» в их лесу. Из гондолы раздались голоса путешественников.

— А-а! да это, кажется, немцы! — воскликнул один из подошедших людей, стройный человек с белокурой бородой и голубыми глазами.

— Да, мы немцы! — ответил Штиллер из гондолы. — Пожалуйста, помогите нам прикрепить шар. Вот канат с якорем.

— С удовольствием! — ответил незнакомый господин. — Помогите-ка, вы там! укрепите хорошенько якорь! — Эти слова были обращены к стоящим вокруг темнокожим. Эти повиновались приказанию и вскоре исковерканный циклоном «Мировой пловец» стоял, прочно укрепленный на якоре среди пальмового леса.

— Где же мы находимся? — спросил Пиллер через окно гондолы.

— На немецкой территории.

— С каких же пор кокосовые пальмы растут в германской империи?

— С тех пор, как у нас есть колонии, — послышалось в ответ со взрывом смеха. — Вы на архипелаге Бисмарка, на острове Матупи.

— Ах, вот как! Значит, действительно в германских владениях! Вот это так счастье при всей неудачности нашего спуска, — засмеялся Бруммгубер.

— Вон из гондолы, друзья, вон из гондолы и, наконец, на твердую почву! — торопил остальных Штиллер.

Когда ученые вылезли, услужливый белокожий представился им под именем Себастьяна Шеуфелэ из Каннштатта в Штутгарте, уже три года назначенного правительственным начальником округа на Матупи.

— Да и мы ведь тоже швабы, — со смехом ответил Штиллер. — Мы профессора Тюбингенского университета и в свое время поднялись из каннштаттского парка на воздушном шаре. По-видимому, всюду на свете можно встретить швабов. Если вы когда-нибудь попадете на далекий Марс, вы и там даже встретите своего земляка.

Начальник округа посмотрел на говорившего с некото-

рым недоумением, так как совершенно не мог понять его слов.

— Вы прилетели на своем шаре из Каннштатта?

— Не прямым путем; косвенно же — да; мы прибыли сюда прямым путем с Марса! Не приходилось ли вам когда-либо слышать об экспедиции на Марс? Конечно, прошло уже два и три четверти года с того дня, как мы поднялись из каннштаттского парка.

— Ах, да! теперь я припоминаю, что когда-то читал об этом совершенно невероятном путешествии в «Швабском Меркурии». И вы действительно эти семь швабов? Но я здесь вижу только шестерых, которые...

— Сын Земли и земляк наш, — прервал его Пиллер торжественным тоном, — вы неужели думаете, что шестеро поченных швабских профессоров станут сообщать вам небылицы? Мы именно те семь швабов, которые отправились на Марс. Мы прожили там два года и вернулись в шестером только потому, что седьмой предпочел остаться там, наверху. О, человек, поверьте же, наконец; неужели я должен сейчас же представить вам вещественные доказательства того, что мы действительно те, за кого себя выдаем? Кстати, мое имя — профессор Параклеус Пиллер.

— Нет, нет! — протестовал Шеуфелэ. — Извините меня, я верю вам на слово; я только совершенно растерялся, и мысли мои перепутались под впечатлением всего, что я от вас услышал.

— Ну, мы охотно окажем вам снисхождение под тем условием, что вы подкрепите нас, уже полгода не видевших горячего супа, обедом и хорошим вином.

— Конечно! Непременно! С величайшим удовольствием. Пожалуйста, зайдите ко мне, господа!

— Хождение для нас несколько затруднительно. Наши ноги порядочно-таки отекли, — объяснил Штиллер начальнику округа, следя с некоторым трудом за ним, в его расположение поблизости жилище. — Мы отправились с Марса 7-го марта. Сегодня, если я не ошибаюсь, 31-ое августа. Согласно с этим, мы пробыли в гондоле почти шесть месяцев. Долгое, томительное время!

— Как я рад тому, что вы опустились на землю именно тут, у нас!

— Ну, недоставало весьма немногого, чтобы экспедиция наша погибла в последнюю минуту, и никто не узнал бы результатов нашего путешествия. Но пока довольно об этом! Мы, по-видимому, уже дошли до места.

— Войдите в мой дом, который с настоящей минуты становится вашим, и позвольте мне первым приветствовать на немецкой почве вас, самых отважных путешественников, когда-либо живших на свете. Простите, что я только теперь произнес это приветствие. Ваше внезапное появление здесь заставило меня совершенно растеряться! — Шеуфелэ горячо пожал руку каждого из профессоров и представил им остальных господ, смотревших с нескрываемымуважением и удивлением на гостей, буквально свалившихся к ним с неба.

Мировые путешественники прежде всего освободились от своих меховых одежд и охотно приняли предложение любезного начальника округа заменить тяжелое дорожное плащье легкими белыми тропическими костюмами, которые он приготовил для них в соседней комнате. Переодевание окончилось очень быстро, и вскоре ученые удобно расположились в больших плетеных креслах на прохладной веранде. На дворе лил дождь, и его плеск по крыше еще увеличивал чувство уютности и комфорта.

— Я сейчас же сообщу в Штутгарт по телеграфу о вашем прибытии, — объявил Шеуфелэ. — Какую огромную сенацию вызовет это известие на нашей родине!

Путешественников устроили в домах разных служащих на Матупи, и вскоре они погрузились в глубокий спокойный сон.

В эту же ночь Шеуфелэ отправил уже упомянутую телеграмму в Штутгарт.

После того, как путешественники на следующее утро освежились купаньем в прозрачных водах бухты, из Штутгарта-Великого пришла ответная телеграмма. Правительство и городской совет прислали первые горячие приветствия из отечества и просили в то же время сообщить об уча-

сти Фроммгерца, имя которого не упоминалось в списке вернувшихся.

«Фроммгерц по собственному желанию остался на Марсе. Экспедиция добралась туда благополучно. Прожили два года на планете. Надеемся приблизительно через четыре недели быть в Штутгарте. Штиллер».

Через несколько дней ученые на пароходе покинули гостеприимный остров.

Глава X

НА РОДИНЕ

Профессора наконец прибыли на станцию Газенберг, у подножья которой живописно раскинулась столица Швабии. Хотя уже настала осень, все здесь сияло ярким убором из цветов. Представители двора, Тюбингенского университета, отцы города, одетые в белое девушки, хоры музыкантов и многотысячная толпа ожидали здесь отважных путешественников.

Сели в электрические автомобили. В первом ехали вместе шесть ученых с гигантскими букетами в руках. Медленно пробирались автомобили через волнующуюся, кричащую толпу вниз, в разукрашенный флагами город.

Во главе торжественного поезда, среди оглушительных приветственных криков запрудившей все улицы толпы, ученые были отвезены в новый, величественный концертный зал города. В этом зале должна была произойти официальная встреча. В огромном здании ученых ждало избранное общество высших представителей города. При входе в зал они были встречены ликующими криками собравшихся.

Когда окончились приветствия, начался банкет. Весьма разумно было решено заранее, что во время еды не будет произнесено ни одной речи. Когда обед окончился, Штиллер взошел на устроенную в зале эстраду и заговорил, обращаясь к блестящему собранию.

— Милостивые государи и милостивые государыни! От имени своего и своих товарищей благодарю вас, прежде всего, за сердечный прием, оказанный нам вами. Он очень тронул нас. Не сердитесь, однако, если мы попросим вас отказаться от всяких дальнейших чествований наших скромных особ. Все, что мы сделали, все, что мы выполнили, ведь оказалось возможным лишь потому, что нам удивительно благоприятствовало счастье. Там же, где человек достигает своей цели только благодаря благоприятным внешним об-

стоятельствам, заслуга его гораздо ничтожней того, чем она вам кажется.

И именно на Марсе, у народа, обладающего идеальным взглядом на жизнь, безграничной любовью к истине и глубоким познанием собственного я, мы впервые научились ценить себя лишь по заслугам, быть искренними и строгими по отношению к самим себе. Мы отправились отсюда с известным самомнением, ныне же мы вернулись с спокойной, трезвой оценкой нашей собственной личности. Из этого-то и истекает наша просьба.

А теперь позвольте мне набросать вам в кратких чертах картину того удивительного мира, в котором нам было дано прожить целых два года.

И Штиллер рассказал о их полете через мировой эфир, о том, что они видели на Марсе.

— Один только профессор Фридолик Фроммгерц, — закончил Штиллер, — не смог решиться на обратное путешествие. Он остался там в качестве единственного живого свидетеля нашего пребывания на Марсе. Наше прибытие на остров Матупи вам известно. В заключение всего, мы хотим передать национальному музею Швабии те предметы, которые мы получили в знак памяти на Марсе в очаровательной Анголе в час расставания. Нам самим эти предметы не нужны. Наше пребывание на этой планете сохранится у нас в памяти, как сказка, полная красоты, очарования и яркого света, до конца нашей жизни, и, если души умерших, как думают некоторые, переселяются на отдаленные звезды, я ничего не желал бы так страстно, как иметь возможность проснуться там, когда здесь, внизу, меня уже не будет существовать!

Штиллер спустился с эстрады. Молча выслушало многочисленное собрание его слова. Не одно лицо среди присутствующих носило следы глубокой грусти, когда профессор окончил свою речь. Этого никто не предполагал! Куда исчезло внезапно все радостное, праздничное настроение? Дирижер оркестра выступил, как ангел-избавитель, среди удрученного молчания. Он поднял свою палочку, и легкие звуки ласкающей ухо музыки снова вернули собранию преж-

нюю веселость. И тут подчас, на Земле, недурно живется! К чему же, в таком случае, стремиться на Марс? Путешествие, подобное путешествию семи ученых, не должно иметь подражателей. Прежде столь жизнерадостные люди вернулись откровенными человеконавистниками. Уж лучше было бы им оставаться все время на родине. Таково было мнение многих из возвращавшихся в поздний час ночи домой после пышного пира.

ОБ АВТОРЕ

Немецкий писатель и медик Альберт Людвиг Дейбер родился в 1857 г. в Каннштатте (ныне часть Штутгарта). Детство и юность провел в родном городе, где также начал изучать фармацевтическое дело. В 1889 г. получил докторскую степень в Цюрихе, работал в швейцарской физиологической и бактериологической лаборатории, опубликовал ряд исследований по химическому составу и микроскопии урины. Позднее преподавал в университете Цюриха. С 1897 г. изучал медицину и стал доктором медицины.

В 1900 г. отправился со своей второй женой Хильдегардой Гейне, учительницей из Базеля, в путешествие по Австралии, Новой Гвинее, Каролинским и Северным Марианским островам; свои впечатления изложил в книге «Путешествие в Австралию и южные моря» (1902). Книга «Одннадцать лет в франкмасонстве» (1905) принесла Дейберу литературный успех. В 1905 г. вышло и утопическое произведение «Год 2222. Сон о будущем».

В 1909 г. писатель опубликовал небольшой НФ-роман для юношества «Аргонавты миров. Три года на Марсе». В том же году Дейбер с семьей покинул Германию и перебрался в Чили, где работал врачом в Пуэрто-Октай.

В 1914 вышел фантастический роман «С Марса на Землю». Помимо фантастики, Дейбер опубликовал в 1906-1908 гг. ряд историко-приключенческих повестей, также предназначенных для юношеской аудитории. Скончался в Сантьяго в 1928 г.

Книга «Три года на планете Марс» публикуется по изданию: М.: Т-во тип. А. И. Мамонтова, 1909. Орфография и пунктуация приближены к современным нормам. Иллюстрации взяты из третьего немецкого издания 1921 г.

Отметим, что в ряде любительских российских переизданий повести (2011, 2013) автор по неизвестной причине именуется Альбертом *Дебейером*.

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.